

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трансформация партийно-политической
системы России:
ответ на современные вызовы

*Материалы экспертных слушаний
фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»*

Издание Государственной Думы
2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Трансформация партийно-политической
системы России:
ответ на современные вызовы

*Материалы экспертных слушаний
фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»*

Издание Государственной Думы
Москва • 2019

УДК 329(470)(082)
ББК 66,69(2Рос)я43
Т65

Под общей редакцией
заместителя председателя Экспертного совета
фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»
Н. А. Мальшевой

Т65 Трансформация партийно-политической системы России: ответ на современные вызовы. Материалы экспертных слушаний фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ». – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 80 с.

7 февраля 2019 года в Малом зале Государственной Думы состоялись открытые экспертные слушания на тему «Трансформация партийно-политической системы России: ответ на современные вызовы».

В настоящее время в Министерстве юстиции Российской Федерации зарегистрировано 64 политические партии, имеющие право принимать участие в избирательных кампаниях в органы государственной власти.

Бурный рост числа политических партий, тем не менее, не сделал политическую систему страны более устойчивой и стабильной, а качество функционирования государственных институтов более высоким. В российском обществе по-прежнему сохраняется запрос на формирование политических сил, имеющих собственную идеологию и способных последовательно отстаивать интересы граждан, а также брать реальную ответственность при реализации своих политических программ.

По мнению многих политологов в нынешнем виде партийно-политическая система России не имеет внутренних ресурсов для развития и модернизации и требует качественного обновления.

В слушаниях принял участие широкий круг экспертов: парламентарии, политологи, практикующие политтехнологи, общественные деятели, представители деловых кругов.

Мероприятие проводилось по инициативе председателя Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ Сергея Миронова.

УДК 329(470)(082)
ББК 66,69(2Рос)я43

Содержание

Вступительное слово

Миронов С. М., председатель Политической партии
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, депутат Государственной Думы 5

Выступления участников пленарного заседания

Минченко Е. Н., председатель комитета по политтехнологиям
Российской Ассоциации по связям с общественностью (РАСО). 9

Соловей В. Д., заведующий кафедрой
по связям с общественностью Московского
государственного института международных
отношений (Университета) МИД России (МГИМО) 15

Гринберг Р. С., член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН,
доктор экономических наук. 17

Куртов А. А., президент Российской ассоциации
политических консультантов (РАПК) 19

Расторгуев В. Н., профессор философского факультета
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова (МГУ), заместитель председателя
Научного совета РАН по изучению и охране культурного
и природного наследия, доктор философских наук 27

Шейн О. В., секретарь Президиума Центрального совета
Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ
по вопросам социальной политики,
депутат Государственной Думы 33

Юрьев А. И., директор Института политической психологии
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина, доктор психологических наук,
профессор 35

Исаев Н. О., российский политический
и общественный деятель, экономист 50

Крупнов Ю. В. , член Федерального Совета Всероссийской политической партии «Партия Дела»	52
Гусев Д. Г. , руководитель консалтингового агентства «Бакстер-групп»	55
Бондаренко О. В. , директор Фонда прогрессивной политики	57
Делягин М. Г. , научный руководитель АНО «Институт проблем глобализации», доктор экономических наук	60
Шаракшанэ С. А. , пресс-секретарь РАН, кандидат философских наук	64
Момджян К. Х. , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор	65
Журавлёв А. А. , председатель Всероссийской политической партии «Родина», депутат Государственной Думы	76
Заключительное слово	
Миронов С. М. , председатель Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, депутат Государственной Думы	79

СТЕНОГРАММА
заседания Экспертного совета
фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» на тему
«Трансформация партийно-политической системы России:
ответ на современные вызовы»

*Здание Государственной Думы. Малый зал.
7 февраля 2019 года. 15 часов*

**Председательствует руководитель фракции
«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»
С. М. Миронов**

Председательствующий. Уважаемые коллеги, дорогие участники экспертных слушаний!

Прежде всего, хочу выразить благодарность всем, кто откликнулся на моё приглашение. Я бы сразу уточнил, на наше с Алексеем Александровичем Журавлёвым, председателем Всероссийской политической партии «Родина», приглашение принять участие в экспертных слушаниях, посвящённых вопросу политической трансформации,

трансформации партийного и политического пространства и ответы на современные вызовы.

Давайте построим нашу работу таким образом. Первым с 15-минутным докладом выступит Евгений Николаевич Минченко, председатель Комитета по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью. Прошу всех остальных участников, выступающих с докладами, ориентироваться на регламент в пределах семи минут.

Прежде чем мы приступим и к заслушиванию доклада, и к выступлениям, я хотел бы сказать несколько слов.

Сегодня, оглядываясь назад, в частности, на 18 лет назад, вспоминается, что одним из первых законопроектов, который внёс в 2001 году Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, был законопроект о парламентских партиях. И думаю, что это неслучайно, потому что с самого начала Владимир Владимирович Путин прекрасно понимал роль и значение политических партий в современной российской жизни.

За прошедшие годы мы увидели, что партийно-политическая система выстояла, несмотря на всевозможные кризисы. Но, во-первых, нет предела совершенству, а во-вторых, сегодня вся наша партийно-политическая система сталкивается с вызовами, на которые, безусловно, нужно давать адекватные и своевременные ответы. Я надеюсь, что сегодня мы как раз на эту тему и поговорим.

Я обозначу только три аспекта, если хотите, три современных вызова, на которые мы обязательно должны совместно найти ответы. Первый вызов – это, конечно же, снижение доверия населения ко всем политическим институтам власти. И мы с вами это видим. Я не буду перечислять те, прямо скажем, неуклюжие с точки зрения социальной реакции решения последнего времени, которые привели к очень серьёзному обострению и социальному напряжению в нашем обществе, они очевидны.

Сегодня, по различным социологическим данным, мы видим падение доверия ко всем институтам власти за исключением, пожалуй, только института Президента России. Это обусловлено и соответствующими решениями, и в том числе, запросами на обновление, на более справедливые решения со стороны власти. Должен сказать, то, что мы видели с вами уже на прошлом едином дне голосования в 2018 году, это были первые ласточки, и это было, конечно, неслучайно. Мы увидели голосование людей «ногами». Причём, если раньше, когда мы произносили такое словосочетание, мы подразумевали, что люди просто приходят на выборы. Сейчас оказалось, что люди могут прийти на выборы и проголосовать за любого кандидата, лишь бы это не был кандидат от партии власти. И мы это с вами прекрасно видели.

Более того, мы увидели, что такая технологическая деталь как пресловутый муниципальный фильтр на выборах губернаторов, про-

тив которого мы всегда выступали и будем выступать, оказывается, уже не работает, потому что даже когда «главные действующие лица» сами выбирали себе удобных кандидатов, выигрывали иногда именно эти кандидаты.

Вызов второй – кризис идеологии. Сегодня мы видим, что носители тех идей, о которых взахлёб говорили 10 лет назад, – о конце истории и идеологий, о начале мира свободы и торжества замечательных либеральных идей, и являлись проводниками идеологии западного доминирования, что нас, конечно же, совершенно не устраивает.

Между тем, обществу всегда нужна цель, обществу всегда нужны ценности и обществу всегда нужно видение и понимание будущего. И когда я и многие мои коллеги неоднократно говорили о необходимости пересмотра статьи 13 Конституции Российской Федерации, где говорится о невозможности государственной обязательной идеологии, я повторял: государственная идеология должна быть, а обязательной ей быть не надо, не надо навязывать. Но как государству в современных реалиях быть без идеологии?

И, конечно, такие ценности, как Отечество, как Родина (я бы поставил между ними знак равенства), как российская государственность, как история и подвиг наших отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны, как межнациональное согласие, как социальная справедливость, сегодня являются возможными «кирпичиками» в будущем фундаменте нашей общероссийской идеологии.

И, наконец, вызов третий – конкурентность политической среды. Мы помним с вами, что в 2011 году официально были зарегистрированы Минюстом России только семь партий, сегодня их 64. Большинство названий партий, я думаю, не перечислит ни один самый грамотный политтехнолог, потому что никто их не помнит, а многие названия представляют собой лишь некое смешение и комбинации одних и тех же слов. Большинство партий практически не участвует в выборах, и давнишняя идея Дмитрия Анатольевича Медведева «пусть расцветает сто цветов» сегодня явно себя исчерпала.

Мы видим, что многие партии, даже когда они участвуют в выборах, не преодолевают, как правило, проходной барьер, но отнимают голоса у других, в том числе, у оппозиционных парламентских партий. И здесь, конечно, необходимы перемены, необходим пересмотр. Но мы ни в коем случае не можем допустить главенствования одной политической силы, одной политической партии, потому что это рано или поздно приведёт к стагнации, к застою со всеми вытекающими последствиями.

Я думаю, что сегодня мы подробно об этом поговорим. Но не могу не сказать о давнишней идее, которую в своё время выдвигала и партия «Родина», и выдвигала партия СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. Когда принимались избирательные законы, в том числе, по выборам в Государственную Думу, мы настаивали на внесении поправки о воз-

возможности создания избирательных блоков и объединений. Это было отвергнуто по давно известному принципу «разделяй и властвуй». Но я думаю, что к этой теме обязательно нужно возвращаться.

И не могу не сказать о роли оппозиции. Порой мы слышим: вот вы оппозиционеры, вы идеи правильные вносите, но не можете их провести в жизнь, у вас не получается, у вас нет гарантий того, что ваши идеи будут восприняты. Сегодня нужно сказать объективно, и Алексей Александрович это подтвердит, как депутат Государственной Думы: в седьмом созыве, в отличие от предыдущих созывов, каждая фракция имеет право настоять на приоритетном рассмотрении того или иного законопроекта. Да, он будет рассматриваться, да, будут выступления с трибуны Государственной Думы, да, будут обсуждения, но потом голосами фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ» этот законопроект, конечно же, будет отвергнут.

Так вот, в этой связи напомним о нашем давнишнем предложении принять специальный федеральный «закон о гарантиях», как любят называть его журналисты. Это закон о гарантиях оппозиционной деятельности, а ещё правильнее – о гарантиях парламентской деятельности, в котором нужно прописать и права, и возможности фракции большинства и фракций меньшинства. Это политические реалии сегодняшнего дня.

Я думаю, что и об этом мы сегодня более подробно поговорим. Ещё раз благодарю всех, кто откликнулся на наше предложение.

Приглашаю для презентации доклада «Новая политическая реальность» Евгения Николаевича Минченко. Пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Минченко Е. Н. Добрый день, уважаемые коллеги!

Я думаю, что сейчас редкий случай, когда я согласен практически со всем, что говорил предыдущий выступающий, Сергей Михайлович Миронов. И действительно новая политическая реальность сегодня, она не только в России, это общемировая тенденция. Мы об этом писали ещё в наших докладах 2014 года.

В чём же она состоит?

MINCHENKO CONSULTING Новая политическая реальность

1. Антиистеблишмент
2. Антисословность
3. Прозрачность информационного поля
4. Альтернативные каналы коммуникации и альтернативные сети влияния
5. Запрос на подлинность и «новая искренность»

The infographic includes an illustration of a man in a suit speaking at a podium, with several other people in suits seated in front of him, some with their hands raised.

Первое. Антиистеблишмент. В условиях прозрачности информационных потоков люди имеют возможность наблюдать элиты практически 24 часа в сутки 7 дней в неделю. И когда они видят элиты вблизи со всеми их плюсами, и минусами, а минусов, оказывается, гораздо больше, чем можно было бы ожидать, у них возникает вопрос: а на каком основании вообще эти люди нами управляют? Второй вопрос: почему так дорого? И чем более прозрачными будут становиться информационные потоки, более доступными, тем сложнее будет элитам доказывать своё право на управление.

Второе. Антисословность. Доминирование сословных и клановых кадровых лифтов – проблема для многих стран, в том числе и России.

Третье. Прозрачность информационного поля, о которой я говорил.

И, самое главное, появляются альтернативные каналы коммуникаций и альтернативные сети влияния. И вот в прошлом году мы проводили исследование Комитета по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью, и произошло фундаментальное изменение буквально за последние два года, с 2016-го по 2018 год.

Если в 2016 году ведущие политконсультанты России говорили, что имеется два основных инструмента, которые влияют на поведение

избирателей. Номер один – это элитные договорённости. Номер два – это полевая кампания от двери к двери. Потом по значимости идёт телевидение.

Сегодня номер один по влиянию это сеть «Интернет», вся совокупность тех каналов, которая существует в сети «Интернет»: социальные сети, мессенджеры и так далее. И в условиях этой новой среды возникает вопрос на подлинность, и то, что называется новой искренностью. Время формальных лидеров, тех людей, которые находятся на своём посту исключительно в рамках своего статусного положения, проходит.

Параллельно есть специфические процессы, которые разворачиваются у нас в рамках того, что мы называем Политбюро 2.0, верхнего слоя правящей элиты. Всё равно нас, так или иначе, в 2021–2024 годах ждёт перезагрузка правящей элиты. Вопрос: насколько серьёзной она будет? И, соответственно, накануне этой большой перегруппировки разворачивается борьба за рынки и ресурсы, страдают в которой в основном малые и средние игроки. Борьба за кадровые резервы и регионы. Именно поэтому мы сегодня видим, как не только политические партии, но и конкретные группы борются за то, чтобы продвинуть своих людей на губернаторские посты не столько даже для того, чтобы влиять на регионы, а чтобы сформировать свою кадровую скамейку для будущего транзита.

И Российская Федерация оказалась в новой политической реальности, в которой, с одной стороны, столкнулись эти группы, которые всё более и более активно между собой борются. Сократились объёмы распределяемых ресурсов. Новая информационная реальность на это наложились, и мы получили то, что называется брекзит-эффектом, когда совершенно неожиданно в ряде регионов проигрывают представители правящей партии, которые действовали ровно по тому же самому сценарию, который год, два, три назад был, в общем-то, вполне приемлемым. Вот эта антиистеблишментная волна докатилась до нас. Я подробнее не буду, наверное, в это вдаваться.

Если говорить о новых технологиях, презентация ещё только началась, но мы уже выложили её и на сайте Минченко.ру, и в «Телеграмм-канале» Политбюро 2.0, там можно всё это посмотреть.

Социология подтверждает тот тезис, о котором говорил Сергей Михайлович Миронов, об уровне доверия к тем или иным партиям.

Вот недавние опросы 2018 года. 42 процента, вдумайтесь в эти цифры, 42 процента опрошенных не смогли назвать партию, которая выражает их интересы. 72 процента опрошенных испытывают негативные чувства по отношению к партийной системе. То есть 72 процента избирателей недовольны той партийной системой, которая сегодня сложилась в России.

Четверть опрошенных, 28 процентов, даже несколько больше, разделяют мнение о том, что партии выражают, в первую очередь, интересы богатых людей и олигархов.

- **42%** опрошенных не смогли назвать партию, которая выражает их интересы
- В восприятии партийной системы сильно преобладают негативные чувства - **72%**
- Примерно четверть опрошенных (**28%**) разделяют мнение о том, что партии выражают в первую очередь интересы богатых людей, олигархов; на втором месте власть, руководство страны (**17%**), на третьем партийные лидеры (**12%**)

На втором месте – это власть, руководство страны, на третьем – партийные лидеры. Ну вот, собственно, это, в том числе, описание ещё с одного угла вот этих самых антиэлитных и антиистеблишментных настроений.

Чего же люди хотят? Они хотят, чтобы партия была народной – она должна выдвигать на выборы простых людей, быть созданной по инициативе простых людей.

17 процентов считают, что такой партии стоит сосредоточиться на борьбе с правительством и чиновниками.

И 15 процентов категорически говорят, что в рядах сторонников такой партии не должно быть олигархов и чиновников. Вот тот общественный запрос, который сегодня у нас существует.

- Пятая часть опрошенных так или иначе отметила, что «народная» партия должна выдвигать на выборы простых людей (**21%**), быть созданной по инициативе простых людей (**20%**)
- **17%** респондентов считает, что такой партии стоит сосредоточиться на борьбе с правительством, чиновниками
- Еще **15%** категорично отметили, что в рядах сторонников такой партии не должно быть олигархов и чиновников

При этом, естественно, во всём мире правящий истеблишмент старается каким-то образом не дать развернуться этому дракону популизма. Есть несколько базовых приёмов противостояния новым антиистеблишментным политическим силам: манипуляция условиями допуска к политической конкуренции, консолидация системных политических сил, лобовое столкновение с оппонентами, накачка антирейтинга. То, что успешно, например, произошло в 1996 году с кампанией «Не дай Бог» против коммунистов. Накормить дракона – это включение тех или иных представителей оппозиционных политических сил в систему власти, что, собственно, мы видим на примере ряда губернаторов от оппозиционных партий, которые сегодня получают свои позиции при поддержке «ЕДИНОЙ РОССИИ».

Создать много маленьких дракончиков – это та стратегия, о которой говорил Сергей Михайлович, создание большого количества спойлерских партий, которые растягивают протестную повестку между собой, и тем самым позволяют даже при снижении рейтингов правящей партии сохранять ей доминирующее положение.

Риски этой стратегии – и выход спойлеров из-под контроля, и создание ими в какой-то момент антиэлитной коалиции – в тот момент, когда они чувствуют слабость. Это, кстати говоря, тот сценарий, по которому пошли в своё время события на Украине.

Ну и технология «самому стать драконом» – перехват властью популистской повестки. И мы сегодня видим, что и Владимир Путин этой технологией, собственно, пользуется на протяжении последних лет: будучи во власти, он в то же время использует какие-то элементы античиновничьей, антиистеблишментной риторики. Вот здесь есть фотография Олега Кожемяки, который, по сути дела, будучи кандидатом от партии власти в Приморском крае, выступил в ампула оппозиционного кандидата. Но эта стратегия имеет свои ограничения – её невозможно использовать длительно. И самое главное, если часто к ней прибегать, это повлечёт достаточно серьёзные трансформации режима.

Ну и выращивание квазиоппозиционного проекта, который является инструментом партии власти. Мы видим, что продолжительность подобного рода технологий очень небольшая, как это было, например, с Эммануэлем Макроном. Вот сейчас мы подводим итоги политической премии РАСО «Гамбургский счёт», и у нас Макрон в двух номинациях. Лучшая президентская кампания в 2017 году и провал года в 2018-м, то есть, за год был растрачен весь тот потенциал, который был получен. И мы видим сегодня, что, опять же, один из претендентов на роль политика года – сегодня претендент коллективный, это движение «жёлтых жилетов» во Франции.

Ну и теперь посмотрим на сегодняшнее политическое поле России.

Есть база партии власти, собственно, это партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», есть три оппозиционных парламентских партии, судьба одной

из которых, в том числе, мы сегодня обсуждаем. И есть большое поле, вот это антиистеблишментное, которое сегодня не захвачено никем. Соответственно возникает вопрос, какие могут быть сценарии?

MINCHENKO
CONSULTING

Сценарии

1. Изменение законодательства о выборах в части возвращения в бюллетень избирательных блоков. Это позволит осуществить ребрендинг «партии власти» и быстрое формирование партнерского левопопулистского проекта по модели «Родина-2003»
2. Перезапуск партии «Справедливая Россия» в новом качестве – как антиистеблишментного проекта

СР
СПРАВЕДЛИВАЯ
РОССИЯ

Сегодня основными бенефициарами последних губернаторских выборов стали ЛДПР и КПРФ. Но проблема в том, что исследования показывают, что значительная часть избирателей воспринимает эти партии тоже как часть истеблишмента и настаивают на том, чтобы появилась новая политическая сила.

Два других сценария. Первое. Это поменять законодательство о выборах и, по сути, дать возможность создать вот эту новую политическую элиту в формате блока. Ну, собственно, это то, что произошло в своё время в 2003 году с успехом блока «Родина».

MINCHENKO
CONSULTING

Сценарии

3. Более жесткий сценарий предполагает, что из-за деградации политического предложения, электоральные способы выпуска пара будут исчерпаны и, на фоне существования непопулярной и невлиятельной «транзитной Думы», произойдет переход к неэлекторальным формам политической борьбы.

Другой вариант, который я вижу, это перезапуск нового антиистеблишментного проекта на базе политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» и её союзников.

И есть третий сценарий, на мой взгляд, достаточно грустный, то есть, если не происходит перезагрузки российской политической системы, то мы можем скатиться в ситуацию, когда у нас электоральные способы выпуска пара будут исчерпаны и есть высокий риск перехода к неэлекторальным формам политической борьбы, чего категорически не хотелось бы.

И хотел бы сказать самое главное. Я ни в коем случае не хочу выступать в роли бесплатного консультанта нового политического проекта, если он возникнет, но я могу сказать, что есть пять основных технологических моментов, которые необходимо учитывать.

Первое. Как правильно заметил Сергей Михайлович, сегодня идеологии стёрлись. Любые слова политического языка сегодня, как стёршиеся монетки, которые потеряли свою цену. Поэтому образ важнее слов.

Второй момент. Диалог важнее монолога. Моделирование ситуации, когда есть политик, который что-то, так сказать, вещает, и люди благодарно слушают, всё, это прошло. Развитие современных средств массовой коммуникации приводит к тому, что востребованы диалоговые форматы и если речь идёт о создании нового политического проекта, то у него должен быть новый образ и новая технология моделирования вообще диалога с различными группами общества.

Соответственно, если вы моделируете диалог, то он предполагает дифференцирование ваших партнёров, соответственно надо чётко понимать, кто ваши целевые группы, с которыми вы будете коммуницировать.

Четвёртое. Собственные каналы коммуникации. Вы знаете, когда ко мне приходят какие-то политики, жалуются – вот меня не пускают на телевидение, я говорю: знаешь что, дорогой друг, ты профнепригоден. Потому что сегодня мы находимся в эпоху, когда политик сам создаёт свои средства массовой коммуникации. Твиттер Трампа оказался дубиной покруче, чем очень многие либеральные средства массовой информации Соединённых Штатов Америки.

Прямая трансляция в Фейсбуке сегодня, например, это излюбленный метод недавно избранного премьер-министром Армении Николы Пашиняна. Там средства массовой информации уже с ума сходят, говорят: ребята, подождите, работайте с нами. А он говорит: вы мне не нужны, я людям всё расскажу через прямую трансляцию в Фейсбуке. У него формат, раз в неделю он идёт на работу, общается с людьми и по дороге рассказывает прямо в Фейсбук, что он собирается сегодня делать и что они сделали за неделю.

Поэтому создавайте свои собственные каналы коммуникации, делайте их популярными, интересными по содержанию.

А почему люди будут это смотреть? Почему они будут использовать эти каналы? Только в том случае, если у вас будет целостность

роли, образа, содержание каналов коммуникаций, манера подачи и стиля реагирования.

Я, честно говоря, не ожидал вот такого аншлага. Я думал, что у нас будет такое камерное мероприятие. Но и судя по тому, что зал забит, нет свободных мест, и по присутствию средств массовой информации, я думаю, что тема действительно востребована. И вне зависимости от того, по какому сценарию всё это пойдёт, я желаю больших успехов организаторам этого мероприятия.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Евгений Николаевич, спасибо. Задержитесь, пожалуйста, на трибуне. Коллеги, если есть вопросы к Евгению Николаевичу, пожалуйста.

Минченко Е. Н. Это называется раскрыл тему.

Председательствующий. Спасибо, Евгений Николаевич. Спасибо вам большое за выступление. *(Аплодисменты.)*

Я приглашаю на трибуну заведующего кафедрой по связям с общественностью Московского государственного института международных отношений Валерия Дмитриевича Соловья.

(Аплодисменты.)

Соловей В. Д. Уважаемые сопредседатели, коллеги, господа, товарищи!

Партийная политическая система Российской Федерации, несмотря на все претензии к ней, до начала 2017 года вполне соответствовала базовому запросу российского общества. Это был запрос на стабильность. И система поддерживала запрос на стабильность.

Ситуация стала кардинальным образом меняться с 2018 года, когда стал оформляться новый запрос, и он проявляется всё более отчётливо.

Он состоит из двух аспектов. Первое – это отрицание статус-кво. И второе – желание перемен. О том, что отрицание статус-кво включает и партийно-политическую систему, коллега Минченко сейчас рассказывал. Но он показывал, что падение рейтингов всех политических и государственных институтов, всех ключевых фигур напрямую относится и к партийно-политической системе. Ну, как обычно в России, хотя и не только в России, люди прекрасно знают, чего они не хотят. Гораздо хуже с формулированием того, чего же они, собственно говоря, хотят. То есть, каков запрос на перемены, каково его содержание?

Тем не менее, некоторые вещи выглядят всё более очевидными. Первое – это снижение интенсивности патриотического запроса. Он прошёл свой пик. Он остаётся сейчас фоновым. То есть патриотизм – это норма, культура политическая, но не более того. В центр фокуса он уже более не вернётся.

Второе, о чём очень много сейчас говорят, о левом запросе. Я не очень понимаю, в чём этот левый запрос состоит. Я вижу запрос на социальную ненависть, желание отомстить истеблишменту, это я вижу. Но я не вижу ни стремления к солидарности, ни стремления к социальной справедливости. Ничего подобного нет. Выступление против истеблишмента – это в первую очередь выступление против чиновников, не против олигархов. Очень многие хотели бы быть на месте этих олигархов. Если есть запрос на справедливость, то это запрос на моральное достоинство и на равенство перед законом. То есть не на социальную справедливость, а на процессуальную справедливость. Можно ли этот запрос назвать? Не уверен. Я думаю, что его, скорее всего, можно было назвать общечеловеческим. И запросы на достоинство, моральное измерение политики будут становиться всё более важной вещью для современной России.

Какие из этого следуют практические выводы? По крайней мере, два, с моей точки зрения. Первое – будущее за популистской партией, за той партией, которая поднимет знамя борьбы с истеблишментом, безусловно. Какова будет её позитивная повестка, социально-экономическая, никакого значения иметь не будет. Эта партия должна сказать только: я обещаю вам справедливость. Вы все будете равны перед законом, вы все вернёте себе человеческое достоинство.

И второй аспект – поверят ли такой партии или нет? Это самое главное. Потому что люди голосуют не за программу. И никогда ни за какую программу они ещё нигде не голосовали. Они голосуют только за то, верят они вам или нет, к сожалению. Без кардинального обновления модельного ряда, хотя бы ребрендинга партии, безусловно, не поверят, имейте это в виду. Нельзя влить новое вино в старые мехи, не получится.

И в заключение я напомним вам то, что говорил великий Чарльз Дарвин об эволюции: выживает не сильнейший, выживает не самый большой и даже не самый умный, выживает самый гибкий. И готовый быстро реагировать на перемены. Почти то же самое за 2000 лет до Чарльза Дарвина произнёс великий китаец Лао Дзе: всё в этом мире меняется, кроме высшей глупости и высшей мудрости. Поскольку российская партийно-политическая система явно не вершина мудрости, у неё есть только один шанс выжить – это кардинально измениться.

Благодарю вас. (*Аплодисменты.*)

Председательствующий. Уважаемые коллеги, я приглашаю на трибуну доктора экономических наук, члена-корреспондента Российской академии наук, научного руководителя Института экономики Россий-

ской академии наук Руслана Семёновича Гринберга. Пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Гринберг Р. С. Уважаемый Сергей Михайлович, уважаемые дамы и господа, товарищи!

Меня попросили выступить на тему «Политическая система как фактор качества экономической политики». И я, конечно же, выскажу своё мнение на этот счёт. Но начавшаяся дискуссия побудила меня поделиться некоторыми размышлениями по поводу того, в каком состоянии находится сегодняшнее социал-демократическое движение в мире и в России.

В силу разных причин мы наблюдаем сегодня закат эпохи доминирования неолиберализма и оттеснения социал-демократических идеалов и практик. Вопиющее неравенство, массовая бедность, чрезмерная коммерциализация образования, здравоохранения, науки и культуры вновь открывает перед социал-демократами поле для политического ренессанса: вновь есть что социализировать. Но для этого социал-демократам надо критически использовать опыт их собственного прошлого. А побеждали они там, где опирались на массовые движения трудящихся. Сейчас это не только и даже не столько индустриальный пролетариат, а ещё и масса «рядовой» интеллигенции и других наёмных работников, занятых преимущественно в «бюджетной» сфере и сфере услуг.

Кроме того, они чётко заявляли свою нацеленность на глубокое реформирование системы и, в частности, не боялись говорить о наступлении на интересы корпоративного, в первую очередь финансового, капитала и предлагали практические меры по восстановлению прав и защите интересов трудящихся. Наконец, они опирались не столько на политические игры, пиар и т. п., сколько на работу в «низах» и активные массовые действия.

Такого рода действия плюс обновлённая модель социализации, адекватная периоду четвёртой промышленной революции, появление массового класса «рядовых» творческих работников с неустойчивой занятостью в принципе могли бы привести к серьёзному позитивному результату. Но современная западная социал-демократия в своём большинстве к такой модели поведения, судя по всему, пока не способна.

Что касается России, то здесь ситуация не только воспроизводит все основные проблемы западной социал-демократии, но ещё и осложняется целым рядом дополнительных факторов. Прежде всего, это феодально-бюрократическая природа отечественного капитализма,

исторически обусловленная (300 лет феодальной монархии плюс советский застой и т. п.) низкой способностью масс к самоорганизации и готовностью к солидарным действиям. В этом же ряду жёсткость политической системы, давящая любую реальную массовую социально-политическую активность, а также историческая память о крушении СССР и возобновление холодной войны с Западом, неизбежно сопровождается ростом великодержавного шовинизма.

И всё-таки есть одно весьма важное обстоятельство, указывающее на то, что возрождение и укрепление влиятельной социал-демократической линии в России не только необходимо, но и возможно. Достаточно надёжные социологические опросы в стране со всей очевидностью указывают на явное преобладание именно социал-демократического мировоззрения в сознании её граждан. Согласно данным Левады-центра (конец 2017 года), на вопрос, каких политических взглядов вы сейчас придерживаетесь, россияне дали следующие ответы: коммунистических – 11 %, национал-патриотических – 10 %, либеральных – 8 %, я сторонник режима твёрдой руки – 15 %, социал-демократических – 30 %!

Словом, россияне вполне продвинутый народ, они искренно преданы великим социал-демократическим ценностям свободы и справедливости. Дело за малым – организовать консолидацию соответствующего электората.

Теперь о незаменимой роли политической конкуренции в корректировке курса экономической политики. Институт состоятельности партий и отстаиваемых ими программ время от времени даёт сбои даже если он не носит декоративный характер, а функционирует по-настоящему. Но это, похоже, самый рациональный способ нахождения оптимального баланса разнонаправленных интересов и их гармонизации.

Наша некогда братская страна, Республика Польша, начала рыночные преобразования раньше нас, и оттуда к нам пришёл термин «шоковая терапия», которую стал осуществлять Лешек Бальцерович, чья программа базировалась на принципах рыночного фундаментализма, т. е. на вере в безоговорочную благотворность «свободного рынка» и тотальной критике государственного вмешательства в механизмы саморегулирования.

Негативные, социально неприемлемые результаты действий команды Л. Бальцеровича, вызвав широкое общественное негодование, привели к смене власти. Праволиберальное правительство уступило место левoliberalьному, в котором за экономику отвечал мой старый друг профессор Гжегож Колодко. Остро чувствуя дух времени и обладая обширными теоретическими знаниями и твёрдой социал-демократической позицией, он сразу же сумел внести существенные коррективы в курс реформ, что позитивно сказалось на социально-экономическом положении страны. И вскоре Польшу назвали побе-

дителем по критерию результативности рыночных реформ, корректировку которых в середине 90-х годов осуществила команда Гжегожа Колодко.

К сожалению, наша практика в этом отношении принципиально иная. Шоковая терапия по-русски, вызвав неожиданную для её авторов массовую бедность, так же, как и в Польше, породила запрос на перемены. Но властолюбие только что родившейся российской политической элиты оказалось сильнее её преданности демократическим идеалам. Формальный уход из власти «нашего Бальцеровича» Егора Гайдара никак не сказался на содержании политики реформ. Наоборот, как акт политического маневрирования Бориса Ельцина он способствовал закреплению его собственной власти. Более того, с этого момента задача сохранения власти стала безусловным императивом Кремля независимо от того, кто им руководит и как складываются дела в стране. Иначе говоря, именно тогда зародился авторитарный тренд в развитии политической системы в стране, быстро «уставшей» от дарованной свободы.

Вполне естественен в этой связи факт постоянства праволиберальной идеологии и риторики в экономической политике страны, хотя за последние четверть века она не раз демонстрировала несостоятельность. Природа такого явления очевидна – отсутствие реальной политической конкуренции и фактическая несменяемость власти. У меня нет рецепта избавления от этого порока. Подозреваю только, что это будет долгий и мучительный путь.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Спасибо.

Я приглашаю на трибуну президента Российской ассоциации политических консультантов Алексея Анатольевича Куртова. Пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Куртов А. А. Добрый день! Сергей Михайлович, Алексей Александрович, спасибо большое за приглашение, коллеги!

Я бы хотел затронуть возможность построения, создания нового политического движения или перестройки политического поля, с несколько иного взгляда, со стороны избирателя.

Мы – политконсультанты, технологи, социологи всё время обсуждаем и, как правило, сходимся во мнении, что трансформация политического поля неизбежна, она нужна и в этом никто не сомнева-

Общая оценка ситуации – пора!

Мнение экспертов: трансформация политического поля назрела и политически, и электорально.

Что обычно оценивается при расчете партии:

- Политическая ниша.
- Электоральная ниша.
- Политическая необходимость.
- Политические, организационные и экономические возможности.
- Лидеры.
- Возможности регионального представительства.

ется. И в качестве ресурсов, которые нужны для создания, например, новой партии, мы рассматриваем в основном понятные вещи. Это наличие политической ниши, наличие электоральной ниши, политическая необходимость создания и так далее. Здесь ничего нового нет.

Прошлым летом мы решили спросить у людей: а что вы думаете про партии? Посмотрите, какая интересная штука. Опрос был: квотный репрезентативный всероссийский – 3600 респондентов. Обратите, пожалуйста, внимание на то, что для людей важно при оценке и понимании политической партии, как возможного объекта для их выбора или голосования. А на первом месте, оказывается, репутация функционера!

Мнение избирателей

Что, на ваш взгляд, самое важное в современной партии?

- Репутация функционеров (лидеров партии и региональных отделений) – 56%
- Четкость и ясность в изложении идеологии и/или программы – 48%
- Прозрачность и обратная связь – 46%
- Социальный лифт – 42%
- Законотворчество – 41%
- Работа в обществе – 39%
- Состояния развития – 36%
- Управление и партстроительство – 35%
- Поддержка первыми лицами государства – 26%
- Представленность партии в ГД РФ – 26%
- Качественная агитационная работа на выборах – 17%
- Представленность в местных органах законодательной власти – 17%
- Наличие партийной структуры в регионе – 15%

По данным всероссийского социологического опроса ИМК июль-август 2018 года, квотная, репрезентативная выборка, 3600 респондентов.

Кто лидер партии, как он выглядит, что он говорит, насколько он прозрачен, насколько понятен, каковы его моральные качества и так далее.

Ещё важна чёткость и понятность изложения идеологии. Мы здесь все с вами много раз говорили, и Сергей Михайлович об этом говорил, что все, особенно парламентские партии, слились, к сожалению, в глазах избирателей в некое, такое вот одно пятно, в котором очень сложно что-то выделить.

Сейчас я вам покажу слайды, иллюстрирующие результаты исследований, и вы увидите, что единственные, кого люди могут отличить, это коммунистов. Да и то только потому, что есть название, к которому привыкли. А когда мы пытались задать вопрос – а чем отличаются коммунисты от «ЕДИНОЙ РОССИИ», то оказалось, что различие на уровне двух-трёх процентов.

Обратите внимание – следующий запрос – социальные лифты. Люди очень хотят, чтобы партия дала возможность расти не только функционерам, но и людям прорасти снизу доверху.

Далее – законотворчество и работа в обществе, то есть то, как партия себя проявляет на местах. В каких инициативах проявляется, с какими добрыми делами ассоциируется.

Ну и последнее вот из того набора важных качеств – управление партстроительством. Важна оценка состояния развития партии. То есть, это партия спящая, умирающая или она зарождающаяся? Респондентам, оказалось, очень важно знать, насколько долго эта партия будет существовать, где у неё перспективы, куда она идёт и так далее.

Вы видите, что ещё была поддержка первыми лицами государства, но, как оказалось, всего 26 процентов. Мы-то привыкли к тому, что кто лучшей поддержкой заручится, тот и впереди. А оказалось, для людей это сейчас стало не так важно. Но вот остальные, то что ниже 35 процентов, мы рассматривать не будем, просто нет времени.

Если вспомнить ещё ленинские работы, для чего партия нужна? Он, собственно, ещё в 1905–1906 годах описывал функции партии – это кадры, это идеология, это агитация, это горизонтальные связи и так далее. То есть, на всё то, о чём он писал в начале XX века, люди до сих пор и ориентируются, а мы им придумываем какие-то политические ниши. Давайте посмотрим, что, собственно, люди отмечали по каждой из партий.

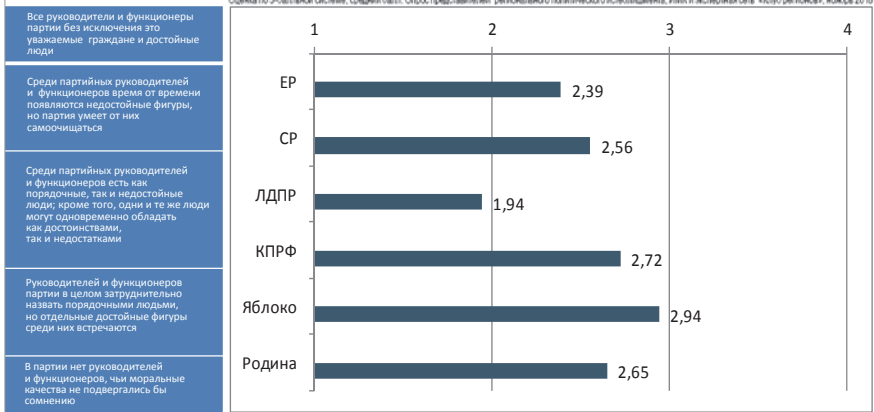
Я хочу сразу предупредить, может быть, кому-то покажется обидным оценка их партии, но это не наша оценка, это уже оценка экспертов, которых мы привлекли для того, чтобы разобраться более детально. Здесь нет ни одной партии из парламентских, ни хорошей, ни плохой, все одинаково неубедительные, я бы так сказал. Только «неубеждение» в разных аспектах разное.

Вот посмотрите, пожалуйста, ось – руководители и функционеры. Как ни странно, а, может быть, и не странно, но у партии «ЯБЛОКО»

Репутация функционеров

Как бы вы характеризовали руководителей и функционеров той или иной партии с точки зрения их морального авторитета? (56%)

Оценка по 5-балльной системе, средней балл. Спрос представителей регионального политического истеблишмента, ИММ и экспертная сеть «Клуб регионов», ноябрь 2018

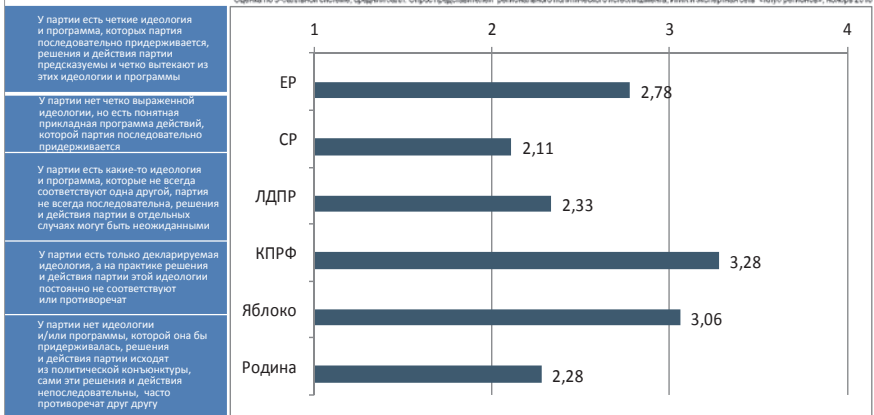
самый высокий уровень. А по лидеру ЛДПР результат совсем иной. Если вы спросите у своих соседей, на улице об этих лидерах, получите примерно такой же результат.

Вот ось – понятность, последовательность и качество изложения идеологии. С большим уважением относюсь к «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ», особенно к тому, что вы, наконец-то, начали этот важный разговор, но убедительность идеологии «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» на самом низком уровне. Почему? Ну, значит, недоработали.

Идеология и/или программа

Насколько понятны и последовательны цели, идеология и программа той или иной партии? (48%)

Оценка по 5-балльной системе, средней балл. Спрос представителей регионального политического истеблишмента, ИММ и экспертная сеть «Клуб регионов», ноябрь 2018

Идём дальше. Подотчётность, прозрачность, обратная связь. Если к вам предъявляют претензии, можете ли вы на эти претензии ответить открыто и по существу, или вы закрываетесь, или всех посылаёте в суд? Обратите внимание, что здесь видна достаточно эффективная работа «ЯБЛОКО». Это отмечали очень многие корреспонденты, и цифры это демонстрируют.

Прозрачность и обратная связь

Как вы оцениваете прозрачность, подотчётность, реакцию на критику той или иной партии? (46%)

Оценка по 5-балльной системе, средний балл. Опрос представителей регионального политического/либерального ИЖК и коллегия оль «Клуб регионов», ноябрь 2018

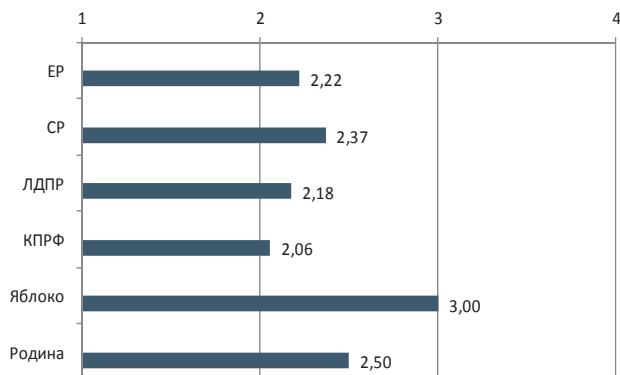
Партия широко и правдиво информирует общество о своей работе и содержательно реагирует на любую критику

Партия не информирует общество о своей работе широко, но открыта для ответов на вопросы и принимает и рассматривает конструктивную критику

Партия раскрывает информацию в соответствии с принятым законодательством и рассматривает только критику и жалобы, поступающие в «официальном» порядке либо только от «равных себе»

Партия информирует общество о своей работе неохотно и игнорирует критику

Партия не информирует общество о своей работе иначе, кроме как в пропагандистском ключе, и не просто игнорирует, но старается подавить критику

Социальный лифт. Ну, понятно, что «ЕДИНАЯ РОССИЯ» здесь традиционно впереди. Это ожидаемо и нет нужды расшифровывать.

Социальный лифт

Насколько, по вашему мнению, та или иная партия эффективна в качестве «социального лифта»? (42%)

Оценка по 5-балльной системе, средний балл. Опрос представителей регионального политического/либерального ИЖК и коллегия оль «Клуб регионов», ноябрь 2018

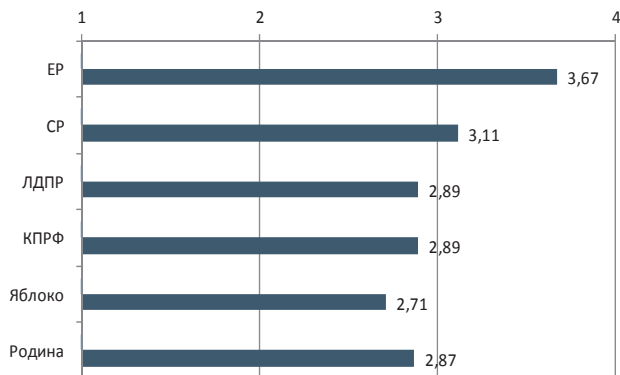
Участие в деятельности партии практически гарантирует рост уважения и признания человека в социуме и успешную карьеру, в том числе для молодежи и новичков

Участие в деятельности партии может быть полезным с точки зрения опыта общественной деятельности человека и развития его личностного потенциала, но не в смысле карьеры

Участие в деятельности партии не оказывает существенного влияния на то, как будут развиваться карьера и социальный статус человека в дальнейшем

Участие в деятельности партии может быть полезным для карьеры только в том случае, если человек пожертвует своими убеждениями или за счет некоторой моральной деградации этого человека

Участие в деятельности партии может серьезно испортить репутацию человека и помешать его карьере

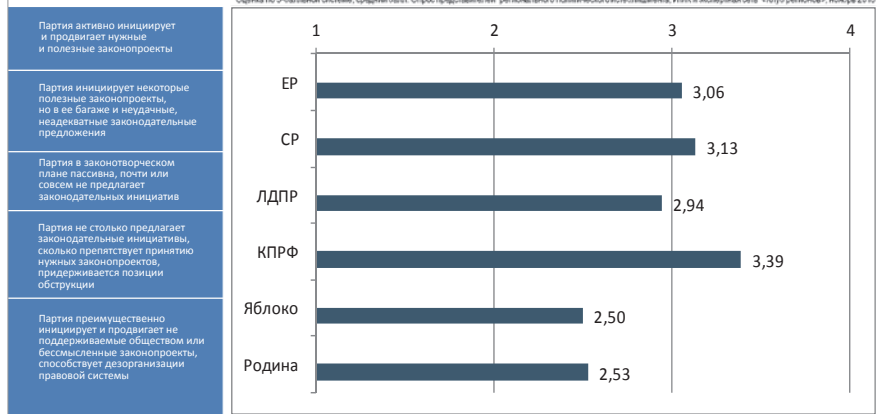

А вот – активность и законотворческая работа. КПРФ впереди. Коммунисты традиционно громче всех говорят о своих несогласиях с предлагаемыми законопроектами – видимо это хорошо запоминается.

Законотворчество

Несколько активна и адекватна законотворческая работа той или иной партии? (41%)

Оценка по 5-балльной системе, средний балл. Опрос представителей регионального политического истеблишмента, ИВМ и экспертная опись «Клуб регионов», ноябрь 2015

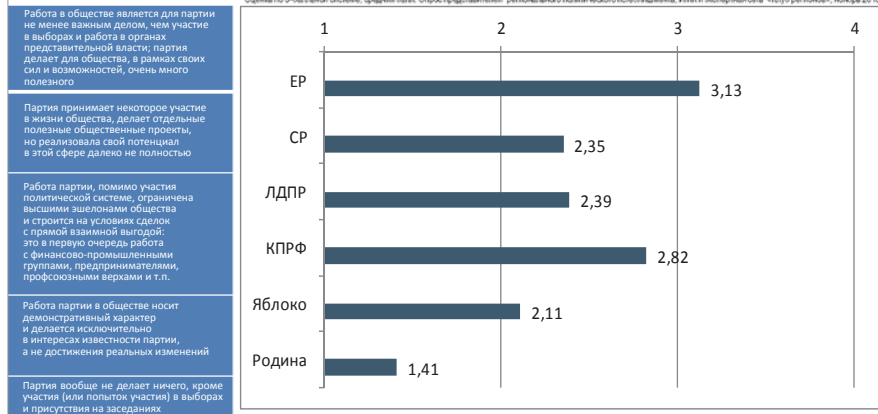

Ну и пару слов о работе партий, которую избиратели видят на своих территориях. Это их восприятие полезности партий в повседневной жизни. Здесь традиционно отмечают «ЕДИНУЮ РОССИЮ» и КПРФ.

Работа в обществе

Как, по вашему мнению, работает партия помимо выборов и за пределами системы политического представительства? (39%)

Оценка по 5-балльной системе, средний балл. Опрос представителей регионального политического истеблишмента, ИВМ и экспертная опись «Клуб регионов», ноябрь 2015

Сводные профили партий (экспертное мнение)

Оценка по 5-балльной системе, средний балл. Опрос представителей регионального политического истеблишмента, ИМК и экспертная сеть «Клуб регионов», ноябрь 2018

Мы с вами увидели основные интересы людей. А сейчас я покажу вам сводный профиль, чтобы было удобнее сравнивать и делать выводы.

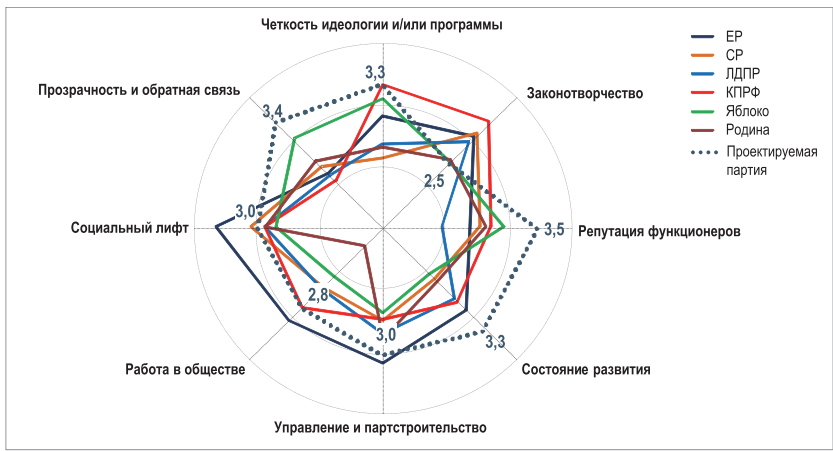
Обратите, пожалуйста, внимание, что по восьми осям, о которых говорим, мы можем увидеть позиционирование, например, партии «Родина». Алексей Александрович – один из организаторов этих слушаний, это отрадно – партия озабочена тем, как её воспринимают в обществе. Управление партстроительством «Родины» оценивается максимально высоко. Маленькая партия, компактная, люди верят, что она может развиваться, подразумевают, что есть потенциалы роста.

А другие партии? Например, «ЯБЛОКО». В эффективность партстроительства её уже верят гораздо меньше, понимая, что там есть единоличный лидер, который никого близко к себе не пускает.

Если бы мы с вами сейчас строили новую партию и хотели, чтобы она заняла лидирующую позицию в обществе, то, руководствуясь опросами и вот такими исследованиями, мы можем рассчитать её эффективное продвижение и направления деятельности. Здесь, как вы видите, пунктиром нарисовано то, как нужно было бы строить позиционирование партии, я ещё раз подчёркиваю, что это позиционирование. Может быть, внутри партии будет происходить много разнообразных действий, но именно так, по таким параметрам её надо предъявлять людям, чтобы они ею заинтересовались и проголосовали.

Я напому вам вот такой случай из нашей жизни, поскольку я в этом тоже участвовал. 1999 год. Выборы в Государственную Думу. Весь истеблишмент был озабочен тем, что очевидно побеждает мощная партия (тогда движение), которое называлось «Отечество – вся Россия». Возглавляли её самые авторитетные лидеры – Примаков,

Проектируемые партии: «Идеальная»

Лужков, Яковлев, которым трудно было кого-то противопоставить. Весь истеблишмент был напряжён. Что можно сделать? Нужен был точный расчёт. Провели полноценные электоральные исследования и оказалось, что избиратели хотят не великих губернаторов видеть во главе партии, или во главе движения, они хотят, чтобы их защищали, они хотят, чтобы они гордились теми, кто во власти. И они хотят, чтобы был порядок.

Были расчётным образом выделены три лидера, которые закрывали вот эту триаду самых основных интересов избирателей. Карелин – гордость, это непобеждённый чемпион, самый сильный человек пла-

Пример из практики

Прогноз элитный –
данные исследований –
формирование первой тройки –
результат выборов 13.3% - 23.3%

неты. Шойгу – спасатель, который может прийти на помощь в любую минуту. И Гуров, легендарный неподкупный милиционер, который наводил порядок в то, как вы помните конец 90-х годов, достаточно сложное время.

Вот примерно то, что я хотел вам рассказать. Поэтому, думая о реформатировании политического поля, пожалуйста, обращайте внимание и на технологические и исследовательские аспекты, которые эффективно работают.

Спасибо большое за внимание.

Председательствующий. Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, я приглашаю на трибуну профессора философского факультета Московского государственного университета имени Ломоносова, доктора философских наук, заместителя председателя Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия Валерия Николаевича Расторгуева. Пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Расторгуев В. Н. Глубокоуважаемый председатель, глубокоуважаемые коллеги! В качестве эпиграфа можно использовать две русские пословицы: «Дума что борода: лишняя тягота» и «Думал, думал – жить нельзя, передумал – можно!»

На мой доклад «Межпартийная солидарность: теория, российская специфика, инструментарий» выделено всего семь минут. Поэтому бегло коснусь всего трёх аспектов темы, не затронутых другими участниками, с использованием семи слайдов¹ и с последующим включением в стенограмму их текстовой части, пропущенной при чтении из-за дефицита времени. Благодаря этому читатель увидит то, что видели слушатели. О каких трёх аспектах идёт речь?

Первое – теоретический аспект проблемы межпартийной солидарности, который сам по себе достаточно интересен, потому что за каждым словом стоит огромное количество научных разработок, идей, конкурирующих теорий, восходящих к трудам Карла Дюркгейма и других известных мыслителей. В частности, речь идёт о большом блоке теорий политической солидарности, большая часть которых основана, как показано на слайде, на так называемой негативной со-

¹ Слайды данного выступления в издании не приводятся.

лидарности, то есть единение сообщников против общего врага или конкурента. Это общий принцип, на котором базируются почти все формы солидарности и все школы солидаризма. Особенно ярко это проявляется в политической сфере, что позволяет рассматривать межпартийную солидарность как исключение из правил. Я пока не могу, естественно, даже обозначить контуры теоретических подходов к этой теме, но скажу, что в научном плане межпартийная солидарность, значимость которой трудно переоценить, разработана крайне слабо.

Чрезвычайно важный теоретический аспект нашей темы – это феномен институализации. Дело в том, что каждое произнесённое слово, даже наши слова, сказанные сегодня в этой аудитории, и каждая сформулированная идея незаметно для нас может воплотиться в реальность. Для пояснения сказанного процитирую Иммануила Валлерстайна, считавшего, как и многие другие учёные, что теорию классово́й борьбы можно объявить марксистским мифом (интересное обоснование этого тезиса есть у Пьера Бурдьё). Однако, по его мнению, отличие этого мифа от прочих в том, что он, будучи сфабрикованный теорией, был спроецирован на реальную историю идеологией рабочих партий и был принят разнородными социальными группами, поскольку дал им возможность осознать себя как носителей особых прав. И Валлерстайн делает важный вывод: «если классы обладают только мифической идентичностью, как может остаться реальной классовая борьба?»

Кстати, материализоваться, превратиться в так называемые институциональные факты, признаваемые как реальность благодаря институционализации и привыканию (хабитуализации), могут не только теории и политические мифы, но и само наше молчание. Вспомним Александра Галича:

*«Пусть другие кричат от отчаянья, От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем – доходней молчание, Потому что молчание – золото!
Вот как просто попасть в богачи, Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть – в палачи: Промолчи, промолчи, промолчи!»*

Благодаря активности одних – объединённых меньшинств, сплочённых в политические партии, – и пассивности других, принимающих веру первых за реальность, возникают в социальном пространстве и сами партии, являющиеся по сути, всего лишь институциональными фактами. Тем самым, они становятся политическим фактом, как и сама многопартийная система.

Теперь перейду к вопросу о том, какие факторы вводят многопартийную систему в транс, разрушая веру в её нерушимость в демократическом обществе, являются общемировыми? Это важно, так как наша сегодняшняя тема – трансформация партий.

Первый по значимости фактор – крушение биполярного мира, ознаменовавшее демонтаж социалистического лагеря и резкое ослаб-

ление коммунистической идеологии. Неожиданно для всех, в том числе и для «победителей», на поверхности осталась, по сути, только одна и очень примитивная идеология, суть которой – снятие барьеров для обогащения. Согласно Дж. Соросу, это идеология рыночного фундаментализма, которая полностью вытеснила либерализм и стала, по его словам, более разрушительной и опасной, чем фашизм и коммунизм вместе взятые. Именно эта идеология в кратчайшие сроки привела к абсолютному расслоению общества – как в планетарном масштабе (мир разделился на сверхбедные и сверхбогатые страны и регионы), так и в плане социального неравенства внутри каждой из стран. И если воспользоваться материалами последнего Римского клуба, то концентрация власти и собственности практически достигла своего предела, когда оказалась в руках семи семейств. Из этого следует закономерный вывод о неизбежном крахе всей капиталистической системы и смерти той идеологии, которая была принята как безальтернативная. Знаменательно, что этот вывод сделал основной мозговой штаб лидеров глобализации – Римский клуб...

Вторая тенденция и фактор – радикализация радикалов. Это означает, что свою привязку к политическим идеологиям, сложившимся в XX веке, сохранили только запредельно радикальные и социально опасные партии, которые именно по этой причине сохраняют и расширяют свой электорат. Весь остальной политический спектр – это своеобразное «болото», поскольку межпартийная борьба сводится к воровству лозунгов, что позволяет им удержаться на плаву.

Третий фактор – возрастающая роль социал-демократического центра. Центристская позиция кажется непоследовательной, поскольку центр не следует за радикальными идеологиями и более того – предельно далеко отстоит от них, не призывая к слому всех институтов власти, а ищет баланс между основными игроками, интересами обделённого и плохо организованного большинства, с одной стороны, и властью хорошо сплочённого меньшинства. Именно так иногда определяют суть демократии. В результате такая позиция в равной степени не устраивает ни тех, ни других. Но именно в кризисные эпохи она становится гарантом стабильности социальной и политической системы. Другими словами, социал-демократический центр занимает стратегические ниши, в которых он выигрывает в длительной перспективе. Разумеется, это требует более тонкого анализа с учётом конкретики.

Следующий пункт наших рассуждений – причины межпартийной солидарности. Кстати, сегодняшнее заседание – это пример того, что идеи межпарламентской солидарности живы. Если бы это был экспертный совет одной партии, то любые предложения были бы, скорее всего, просто заблокированы. А тот факт, что мы обсуждаем проблемы вместе, даёт надежду, что основные идеи и предложения будут услышаны.

Первый фактор, делающий межпартийную солидарность неизбежной – вынужденная потребность конкурирующих политических сил

в сохранении многопартийной системы, которая и является гарантом стабильности. В такой стабильности заинтересованы все, кроме крайних радикальных партий, готовых к перевороту и к разрушению системы.

Второй фактор – ослабление мировых идеологий, о чём уже говорилось. В результате общенациональные интересы, интересы отечества, государства приобретают всё большую ценность в программах парламентских партий, невзирая на их связь с политическими идеологиями, у которых, как известно, отечества нет... А у партий, таким образом, появляется отечество...

И третий фактор – укрепление цивилизационной, а соответственно, и конфессиональной идентичности, что связано с теми же причинами. По сути, это самая интересная тема, поскольку речь идёт о восстановлении в своих правах России как государства-цивилизации, о чём постоянно говорит Президент России.

А теперь вторая часть доклада – «Российская специфика». К сожалению, регламент принуждает ограничиться демонстрацией слайда, на котором выделено только три тезиса, которые видно на слайде.

Первый: многопартийная система в России – это пока всего лишь заявление о намерениях... И действительно, для её возникновения необходимы два условия – смена поколений и смена правящих партий. Очевидно, что мы находимся даже не на стартовой, а на предстартовой стадии этого процесса, когда институционализация межпартийной системы, то есть путь от проекта до реальности – только лишь начинается. И потребуются немало лет, смена поколений и опыт цивилизационной конкуренции, а, следовательно, и перерождение основных институтов собственности для того, чтобы говорить об успешности этого проекта в России.

Второй тезис – монополия на власть, которая установилась окончательно в 2016 году и заморозила процесс демократизации России. Никому не надо объяснять, что у нас по факту – реконструированная однопартийная система, слегка прикрытая рассуждениями о многопартийности...

Третий тезис – неразвитость современных институтов гражданского общества. Речь идёт о полном отсутствии третьего сектора экономики, который в развитых странах уже давно составляет достойную конкуренцию крупному государственному и частному бизнесу. Основа третьего сектора – некоммерческие организации социальной и экологической направленности, которые получают особые преференции даже перед мощными транснациональными компаниями при условии высокой шкалы прогрессивного налогообложения, поскольку вообще освобождаются от налогов. Условие – все доходы уходят на нужды благотворительности и функционирование НКО. У нас, как известно, о таких условиях никто даже не заикается...

Вместе с тем при наличии такой мощной сети благотворительных фондов, какая существует в других странах, мы бы не столкнулись

со столь масштабными социальными рисками, к которым привела, например, так называемая пенсионная, а по сути, антипенсионная реформа. К тому же, развитое гражданское общество – это в потенциале один из основных игроков в межпартийных играх уже потому, что представляет собой хорошо организованное большинство общества, что кардинально изменяет соотношение политических сил и статус парламентских партий. Готовы ли мы к встрече с таким игроком, не станет ли эта встреча сокрушительной для сложившейся политической системы, осознаём ли риски, связанные с неизбежностью его возникновения? Ответ, думаю, очевиден.

И, конец, последний вопрос доклада – «Инструментарий становления и трансформации многопартийной системы». Среди важных инструментов – укрепление межфракционных связей, о чём я уже сказал, и усиление однопроблемных движений, а в перспективе и «однопроблемных партий», например, экологической направленности, вообще не связанных с идеологиями. Это очень важный тезис, который требует проработки и выработки стратегии межпартийного сотрудничества «на вырост», поскольку речь идёт о новых формах коалиций и межфракционных союзов.

Основным инструментом таких союзов могли бы стать совместные стратегические инициативы социального плана. Наибольшим потенциалом, по моим убеждениям, является проект Социальной доктрины России. Она была подготовлена нашим коллективом тогда, когда Сергей Михайлович был Председателем Совета Федерации. В те годы Экспертный совет Совета Федерации как внепартийный орган подготовил этот проект, который успешно прошёл все согласования в профильных министерствах. Надо сказать, что эта доктрина была продолжением Экологической доктрины, которую ещё в 2002 году удалось провести во многом благодаря личной поддержке Президента России и тому факту, что проект не был представлен как инициатива отдельной партии. Я, к слову, был одним из её авторов. К сожалению, судьба Социальной доктрины России, концептуально связанной с Экологической доктриной (общее – качество жизни), складывается иначе. Но за ней – будущее.

Чрезвычайную ценность в деле межпартийного диалога имеют совместные публичные площадки. Позитивным примером может служить Всемирный Русский Народный Собор. Когда я однажды пригласил на заседание Собора в Храме Христа Спасителя известного французского политика и учёного Ивана Бло, который не раз выступал на наших форумах в Государственной Думе, то он дал однозначную оценку его возможностям: «Этого не может быть ни в одной европейской стране!» И действительно, трудно представить, чтобы где-то ещё все парламентские партии, а также все представители основных конфессий, сообщая под председательством Патриарха, согласовывали общие принципы и интересы. Это уникальное и чисто русское явление,

способное консолидировать разнонаправленные силы в современной России и, возможно, найти спасительное решение. Я достаточно уверенно об этом говорю, потому что являюсь руководителем Научного совета Экспертного центра ВРНС.

И в завершение о том, что существуют большие программы, которые тоже могут на порядок поднять уровень теоретического обеспечения межпартийной деятельности. Это, в частности, программа «Цивилизационный путь России», осуществляемая Научным советом при Президиуме РАН по охране и защите культурного и природного наследия. Сопредседателями Совета являются академики Е. П. Челышев и хорошо известный в Государственной Думе человек, возглавлявший Комитет Государственной Думы по науке – В. А. Черешнев. Программа уже на раз обсуждалась на наших парламентских площадках и, в частности, во время проведения ежегодных международных Панаринских чтений.

Детально программа была изложена нами к коллективной монографии «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы», написанной при участии ведущих академиков РАН к юбилейному заседанию Собора, которое состоялось 1 ноября ушедшего года в Кремлёвском дворце при участии Президента России. Тема Собора звучит так же, как и название книги: «Цивилизационное развитие России». Такая монография впервые вышла под эгидой РАН и ВРНС.

Председательствующий. Спасибо большое. *(Аплодисменты.)*

Слово предоставляется секретарю Президиума Центрального совета партии по вопросам социальной политики, депутату Государственной

Думы от фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» Олегу Васильевичу Шеину.

(Аплодисменты.)

Шейн О. В. Добрый день!

Мне кажется, когда мы говорим про вопросы трансформации, очень важно оттолкнуться от тех социологических исследований, которые сегодня есть у нас в распоряжении.

РАНХиГС, то есть институт, который является более чем государственным, зафиксировал, что порядка 62 процентов людей в нашей стране не видят партию, которая бы выражала их интересы. Причём мы хорошо понимаем, что явка на выборах выше, то есть часть людей, которые не видят партию, выражающую их интересы, исходит из того, что надо всё равно прийти, проголосовать хотя бы против наибольшего зла за кого-нибудь, чтобы воспрепятствовать организациям, которые однозначно выступают против каких-то ценностей, интересов этих людей.

В этой связи, соответственно, если мы говорим о том, чего эти люди хотят, я бы возразил прозвучавшему, может быть, не очень чётко, но мне так воспринялось, тезису о востребованных идеологических конструкциях.

Когда мы говорим о каких-то сложных событиях, мы должны в первую очередь отталкиваться от терминов, с которыми мы работаем. Идеология (специально даже выписал, мне кажется, это будет правильно) представляет систему взглядов и идей, в которых оцениваются отношения людей к действительности, к друг другу, к социальным проблемам и содержатся цели социальной деятельности.

Ну как можно говорить о деидеологизированности, то есть о модели, при которой нет взглядов, нет ценностей, нет задач, а есть просто рефлексия в зависимости от того, что популярно на текущий день. Такая «телега», конечно, может быть сконструирована, но далеко она не уедет, потому что она никому, естественно, не нужна. Люди ценят иное – принципиальность, определённую систему взглядов.

Какие же взгляды, причём по тем же опросам РАНХиГС и ещё одного известного института, какие же идеологические ценности люди для себя определили? 38 процентов – демократия, 16 процентов – социализм, 11 процентов – коммунизм, 2 процента – национализм, 3 процента – монархия. То есть это совершенно маргинальные, от слова «марджин», окраина, взгляды и ценности. Понятно, что люди вряд ли смогут сформулировать, что такое демократия. Но, наверное,

интуитивно они полагают, что под этим имеются в виду некие равные правила для всех, некая свобода, честные выборы, свободные суды. Равно как и понятия «социализм», «коммунизм» тем более будут испытывать трудности в определении, но здесь, конечно, идёт апелляция к практическому опыту 30-летней давности с доступным образованием, медициной и так далее, и твёрдой занятостью.

А вот среди тех 62 процентов, которые говорят, что не видят своей партии, оценка эта ещё более любопытная. Среди них приоритет социализму отдают 30 процентов, коммунизму – 27, демократии – 22. То есть люди, в первую очередь придерживающиеся левых социалистических ценностей, не видят сегодня политическую партию, которая бы отражала их интересы. Вот это и есть реальная социология, причём, не абы кого – РАНХиГС и смежных институтов. И, соответственно, это есть реальный вызов в общественном восприятии. Он, кстати, абсолютно коррелирует с другими элементами в этих исследованиях, в частности, что 64 процента опрошенных полагают важнейшей задачей политических организаций – достижение высокого уровня жизни, более высокого, чем есть сегодня, и только 9 процентов говорят про защиту традиционных ценностей.

Теперь, если мы от общественного восприятия посмотрим, что у нас произошло за последние несколько лет, картина будет примерно такая. Прошлый год – это обрушение «ЕДИНОЙ РОССИИ» и всех без исключения институтов исполнительной власти. Мы это прекрасно видели, потому что власть разорвала социальный контракт, который до этого она декларировала. И мы это видели на примере протестного голосования.

Но не менее интересен 2016 год, когда такое же крушение было на оппозиционном поле. Если мы возьмём выборы в парламент 2011 года и 2016 года, возьмём три партии: социал-демократическую партию «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», оперирующую к советской практике прошлого КПРФ и либерально-социальную «ЯБЛОКО», я думаю, их тоже уместно привести в качестве участников событий, – то мы увидим, что в 2011 году за эти три партии голосовало 26 миллионов, а в 2016-м – 11, то есть провал явки 2016 года, он именно здесь.

Мне трудно судить, почему это произошло, я всё-таки не практикующий социолог, а здесь требуются социологические исследования. В моём понимании, на это есть очень простое объяснение. Социалистические и социальные политические движения, будучи в оппозиции, сильны тогда, когда они при этом работают с массовыми социальными движениями, когда есть активизм.

Иначе получается разрыв, декларируются правильные ценности, а за ними ничего не происходит. И возникает вопрос: ребята, мы вас избрали, а что вы можете? Ничего? И зачем за вас дальше голосовать? То есть социалистические партии, слово «социум», общество, это всегда активистские движения, активистские организа-

ции. И, конечно, вот этот принцип активизма не может быть декларативным. Он не может быть построен по логике партии авангардного типа, чем грешат наши братья из КПРФ – когда есть направляющая партия, если ты не идёшь в русле решений партийных руководителей, то ты даже не попутчик, а совершенно враждебный элемент. Никому начальники не нужны. И такая модель имеет некий потенциал своего ресурса.

Но люди, конечно, ценят активизм, потому что при активистских действиях есть достижения результата. Маленького или большого, но люди понимают, что есть реальная борьба, а есть достижение ценностей.

Более того, при этом возникает то, о чём здесь, в этом зале, раньше говорилось: практика вот этой самой социальной, то есть общественной борьбы, наработка коммуникаций, взаимоотношений, связей, опыта, некой традиции. Заранее достигнуты результаты, потому что каждому, естественно, приятно видеть, что вот он боролся за социальные пособия, либо против увольнений на заводе, либо за повышение заработной платы, эта борьба имела результат.

Именно так и наращиваются традиции, которые лежат в основе любых фундаментальных политических движений и организаций. Вот это в первую очередь, мне кажется, должно быть предметом обсуждения.

И последнее, что должно быть предметом обсуждения, это, конечно, инструментализация процесса.

Да, есть политтехнологии, но инструментализация – это ложный путь. Она не даст ответа на общественные требования и в итоге ведёт в тупик тех, кто по этой дороге собирается идти. Хотя, конечно, всякие технологии – вещь полезная и приветствуемая в любом процессе, будь то промышленность, экономика, аграрное хозяйство, либо политика.

Спасибо.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Спасибо, Олег Васильевич, я думаю, вы тоже помните, что результаты выборов 2016 года в немалой степени были таковыми именно из-за крымского консенсуса. Крым-то был, есть и всегда будет нашим, но именно крымский консенсус определил результат партии власти.

Я приглашаю на трибуну доктора психологических наук, профессора, директора Института политической психологии Ленинградского государственного университета имени Пушкина Александра Ивановича Юрьева. Пожалуйста. *(Аплодисменты.)*

Юрьев А. И. Уважаемый Сергей Михайлович! Лидеры фракций, депутаты, коллеги!

Вопрос о политической трансформации партийного и политического пространства, и ответа на современные вызовы обусловлен, видимо, тем, что политические процессы в мире начинают развиваться без

участия классических политических партий и помимо их. Для краткости сошлюсь только на «жёлтые жилеты» во Франции.

Кризисы, поразившие современные политические партии и политическую систему.

Гипотетические причины появления новой политической реальности – это четыре мировых кризиса, которые не удаётся решить политическим партиям:

1. Мировой культурно-философский кризис: не даёт осмысления глобальных изменений в жизни людей. Поставлены под сомнение

ответы на вопросы: что такое человек? Что он должен знать и понимать? Что ему позволено, как человеку, и что запрещено?

2. Мировой морально-поведенческий кризис: не объясняет, почему идёт замена традиционной морали и нравственности на совершенно новые нормы поведения, основанные на цифровой цивилизации. Понятия совести, сознания, долга, чести, справедливости не поддаются счёту, поэтому они не являются ценностями глобализации?

3. Мировой научно-интеллектуальный кризис: у власти нет решения конкретных глобальных проблем современности – экологии, занятости, преступности, образования, культуры, медицины. Идущие непрерывной чередой международные форумы самых умных людей планеты не находят решения, которые хоть как-нибудь улучшили бы положение людей.

4. Мировой промышленно-финансовый кризис: люди не верят материалам дискуссий на международных форумах финансистов и экономистов. Распространяются подозрения, что всё тайно уже решено после вхождения России в Бретон-Вудские соглашения и принятия десяти правил Вашингтонского консенсуса; что все мировые финансы – это просто бизнес-проект, управляемый владельцами станка, печатающего доллары.

По моему мнению, классические политические партии и вся мировая партийная система потеряли свои исторические и философские истоки, скучившись на «поле экономики» и бросив «поля политики». Именно поэтому радикальные изменения в мире происходят почти неуправляемо – их я именую «новой политической реальностью».

Главный вызов современности – это новая политическая реальность.

Новая политическая реальность следует за новой технологической реальностью (четвёртой промышленной революцией), новой информационной реальностью (цифровой цивилизацией), новой экономической реальностью (рыночной экономикой), новой социальной реальностью (за попытками ликвидировать социальное государство).

Сегодня для классических партий новая политическая реальность – это «необычность изменений», для которой нет готовых «хороших» ответов; это «недопустимость изменений», которые представляются противоестественными; это «внезапность изменений», которые происходят не тогда, когда их ждут; «неожиданность изменений», которые оказываются не такими, какими их ждали.

Непонимание новой политической реальности заставляет мировую политику работать в режиме цугцванга, в котором любое действие приводит к ухудшению ситуации. Останавливают любые действия.

«Внезапность» – это:

1. Подмена Смысла жизни через дискредитацию семьи, брака и всех «традиционных институтов».

2. Ползучий демонтаж социального государства.

3. Новое разделение общества на элиту и плебса.

4. Движение от «Человека разумного» к «Человеку-киборгу».

«Недопустимость»? Это:

1. Подмена Ценностей жизни через модификацию политической идеологии.

2. Вытеснение из реальной политики партий, имеющих философскую базу.

3. Снижение интеллектуального уровня публичной политики.

4. Возвращение «Человека сетевого» вместо «Человека политического».

«Необычность»? Это:

1. Изменение Целей жизни через модернизацию системы образования.

2. Скрытие реального стратегического плана политических изменений.

3. Переформатирование Картины Мира.

4. Формирование «Человека компетентного» вместо «Человека понимающего».

«Неожиданность»? Это:

1. Ослабление Воли к жизни из-за разрушающего влияния незанятости.

2. Разделение народа на созидателей и потребителей.

3. Замена «Служения» на «оказание Услуг».

4. Замена «Человека труда» на «Человека обслуживающего».

Обращаю внимание на то, что радикальных изменений – шестнадцать.

Конкретные признаки новой политической реальности

<i>Неожиданность изменений для человека как Субъекта</i>	<i>Необычность изменений для человека как Индивидуальности</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Ослабление Воли к жизни через увеличение незанятости. 2. Разделение народа на созидателей и потребителей. 3. Замена «Служения» на «оказание Услуг». 4. Замена «Человека труда» на «Человека служащего». 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изменение Целей жизни через систему образования. 2. Соккрытие реального стратегического плана политических изменений. 3. Переформатирование Картины Мира. 4. Формирование «Человека компетентного» вместо «Человека понимающего».
<i>Внезапность изменений для человека как Индивида</i>	<i>Недопустимость изменений для человека как Личности</i>
<ol style="list-style-type: none"> 1. Подмена Смысла жизни через дискредитацию традиционных ценностей. 2. Ползучий демонтаж социального государства. 3. Формирование новой аристократии. 4. Движение от «Человека разумного» к «Человеку-киборгу». 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подмена Ценностей жизни через модификацию партийных систем. 2. Вытеснение из реальной политики партий, имеющих философскую базу. 3. Снижение интеллектуального уровня публичной политики. 4. Вращивание «Человека сетевого» вместо «Человека политического».

Затрудняют понимание новой политической реальности поспешность, поверхностность анализа, требующие краткости, лапидарности, лаконичности текстов, которые не должны превышать одной-двух страниц. Партии не смогут вернуть утрачиваемые позиции, не разобравшись в деталях новой политической реальности и эффектах, которые они производят. Переход от анализа к практике показывает, что:

1. Необычность изменений в политике делает трудным достижение согласия в формулировке целей жизни. В науке необычность порождает интеллектуальный кризис из-за невозможности согласовать бесспорную картину мира. Необычность – проблема гражданского общества и политического человека, как индивидуальности, источника целей жизни, дающих надежду.

2. Недопустимость изменений в политике порождает утрату доверия. Недопустимость изменений в политике, как следствие морального кризиса не даёт согласовать новые и старые ценности жизни и новое мировоззрение. Недопустимость – проблема партийной системы и политического человека, как личности, хранителя жизненных ценностей, веры и доверия.

3. Внезапность изменений в политике порождает игнорирование справедливости в жизни общества. В науке внезапность проявляется,

как философский кризис из-за утраты смысла жизни, понимания нового человека. Внезапность – проблема народа, населения страны и политического человека, как индивида, носителя смысла жизни, любви.

4. Неожиданность изменений в политике резко снижает эффективность реализации принятых решений, происходит падение энергичности власти. В жизни общества это ощущается, как экономический кризис, разрушающий жизненные позиции масс людей. Неожиданность – проблема государственного управления и политического человека, как субъекта – источника политического поведения.

Классические политические партии сохраняют своё место в новой политической реальности, если используют многовековой политической опыт своих предшественников.

Вне всякого сомнения, перед угрозой появления политических «пузырей одноразовой цели» необходимо трансформировать партийно-политическую систему страны так, чтобы адаптировать её к новой политической реальности. Способ трансформации один: она должна основываться на временно забытом понимании политики от рождения мира и до наших дней. Надо принять за истину, что одна новая политическая реальность век за веком сменяет другую, но вечно остаются её базовые, вечные свойства. Они неизменны, как неизменен сам политический человек. Поэтому нет оснований свисока отмахиваться от учений Антифона, Аристотеля, Гоббса, Маркса – они порождали политическую систему как естественное продолжение потребностей и мотивов человека.

Например, единая система точек зрения выдающихся мыслителей на политику и партии принадлежит Roger D. Masters. Он представил политическую мысль, как исторический ряд от Платона до наших дней, рассматривая отдельного философа или школу как нечто уникальное. Р. Мастерс предположил, что вся политическая теория может быть выстроена вдоль двух фундаментальных измерений. Рассматривая полярные варианты этих измерений, можно построить четырехпольную таблицу, где каждая клетка показывает экстремум в пространстве политической мысли.

Суть учений великих предшественников в том, что политика строилась и сейчас строится на двух пересекающихся фактах:

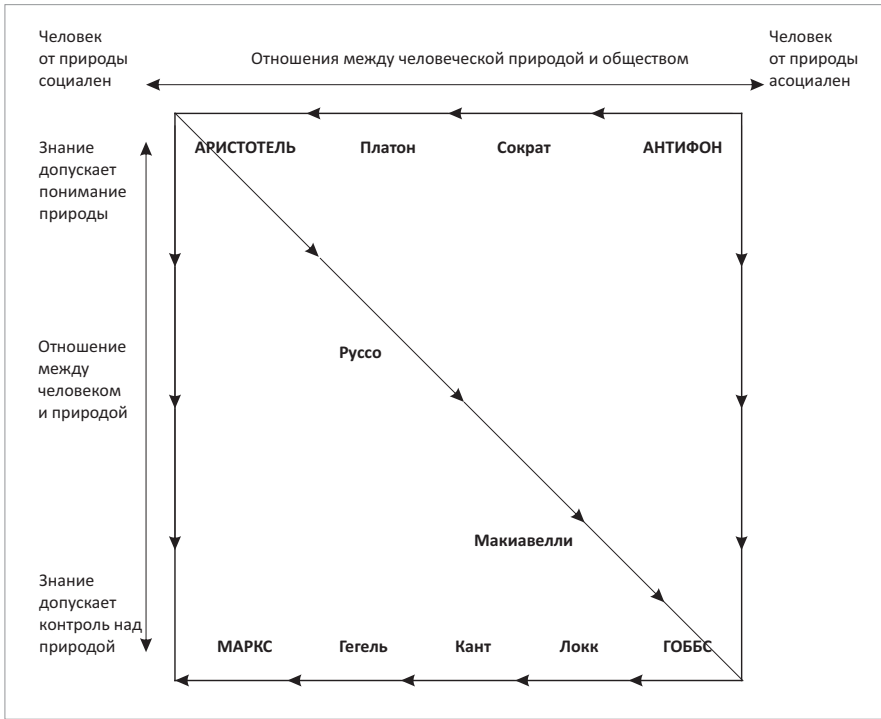
1. Есть вечные отношения между человеческой природой и обществом, которые являются спорными:

а) человек от природы асоциален («пессимистический» взгляд на природу человека Антифона и Гоббса);

б) человек от природы социален («оптимистический» взгляд на природу человека Аристотеля и Маркса).

Второй факт: есть вечные отношения между деятельностью человека и его природой, согласно которому:

а) знание может улучшать природу человека (Антифон, Аристотель);

б) напротив, знание нужно для контроля над природой человека (Гоббс, Маркс).

Эти факты, пересекаясь, дают систему из 16 партий. Может быть, не все современные лидеры учитывают первоосновы своих политических партий, но вольно-невольно и в новых терминах сражаются они именно за эти первоосновы. А вот у их оппонентов, «политических пузырей», нет фундаментальных основ, заложенных в вечности. В этом их слабость.

Из этих углублённых размышлений о трансформации политической системы следуют вполне конкретные практические выводы. Сергей Михайлович сейчас сказал о «конкурентности политической среды», о том, что «в 2011 году официально были зарегистрированы Минюстом России только семь партий, сегодня их 64». Есть вопрос: сколько партий должно быть, и каких?

Из фундаментальных научных основ политики следует, что политических партий должно быть 16, и это можно доказать. Хотя, в каждый исторический момент борьбу за власть ведут две партии, представляющие доминирующие точки зрения на человека: оптимистическую и пессимистическую, и точку зрения доверия к природе человека или напротив – контроля над его природой. Хотя это называется сегодня совершенно другими словами и терминами.

Нетрудно заметить, что в России естественным образом политические группировки сегодня систематизируются по 16 направлениям, соответствующим концепциям Антифона, Аристотеля, Гоббса, Маркса. Других для краткости не называю. Некоторые точки зрения оформлены как политические партии, некоторые существуют в политическом поле, официально не организованные.

Таблица 2

Шестнадцать типов политических партий с точки зрения их отношения к человеку и способов взаимодействия с ним

Виды ОПД	II тип ОПД Природная асоциальность человека	I тип ОПД Природная социальность человека
1-й вид ОПД	Группа А: военно-промышленная база	Группа В: социал-демократическая база
Человек может преодолеть природные ограничения за счёт науки, техники и создать партии, политическое общество	1. Военно-спортивные союзы 2. Фронты противостояния, сопротивления 3. Ассоциации профессиональные 4. Научно-промышленные общества	9. Радикальные партии 10. Демократические партии 11. Социалистические партии 12. Транснациональные партии
2-й вид ОПД	Группа Б: дискриминационно-протестантская база	Группа Г: национал-культурная база
Человек не может контролировать природную неизбежность потому, что науке не преодолеть природных ограничений	5. Партии анархистов 6. Гуманитарные и экологические движения 7. Ветеранские организации и благотворительные фонды 8. Партии дискриминируемых меньшинств	13. Национально-культурные клубы и патриотические организации 14. Клерикальные партии 15. Монархические центры и союзы 16. Культурно-воспитательные общества и движения

Совпадение теоретической модели и реальной политической жизни представлено на табл. 3. Совпадение подтверждает то, что есть:

1. Военно-спортивные союзы.
2. Фронты сопротивления.
3. Ассоциации профессиональные.
4. Научно-промышленные общества.
5. Объединения анархистов.
6. Гуманитарные и экологические движения.
7. Ветеранские организации и благотворительные общества.
8. Партии дискриминируемых меньшинств.
9. Партии радикальных взглядов.

10. Демократические партии.
 11. Социалистические партии.
 12. Транснациональные партии.
 13. Партии, имеющие национально-культурные и патриотические позиции.
 14. Клерикальные партии.
 15. Монархические партии и союзы.
 16. Культурно-воспитательные общества и движения.
- Других быть не может.

Даже на заре формирования современной партийной системы России естественным образом появились партии: радикального толка – «Вперёд, Россия» (Б. Фёдоров), «Самоуправления трудящихся» (С. Фёдоров), «Яблоко» (Г. Явлинский). Из демократических партий заявили ДВР (Е. Гайдара), «Социал-демократы» (Г. Попова), «ПРЕСС» (С. Шахрая), «Дума-96» (В. Буренина), «Федерально-демократическое движение» (О. Новикова). Блок социалистических партий составляли «Профсоюзы и промышленники России» (В. Щербакова). К ним примкнули новые транснациональные партии: «Наш дом – Россия» (В. Черномырдина), «Блок Ивана Рыбкина», «Стабильная Россия» (О. Петрова), «Преображение Отечества» (Э. Росселя), «Партия экономической свободы» (К. Борового), «Республиканская партия» (Памфиловой-Гурова-Лысенко).

В группе партий военно-промышленной базы (тип – природная асоциальность человека, вид – возможность преодолеть недостатки человека за счёт развития науки и техники) заявили всего пять партий: из военно-спортивных союзов «Моё Отечество» (Б. Громова) и «Держава» (А. Руцкого). Из профессиональных ассоциаций «Аграрная партия» (М. Лапшина) и «Ассоциация адвокатов России» (А. Малаева). В выборах участвовала только одно научно-промышленное общество «Тихонова-Туполева-Тихонова», КППФ (Г. Зюганова), «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз» (А. Тюлькина), «Власть народу» (Н. Рыжкова).

В группе национал-культурной базы (тип – природная асоциальность человека, вид – человек не может преодолеть своей природной ограниченности) в выборах участвовало восемь партий: от национал-патриотических организаций «Конгресс русских общин» (Ю. Скокова), «За Родину» (В. Полеванова), Национал-республиканская партия (Н. Лысенко), Российское общенародное движение (А. Баженова), «Международный союз» (А. Микитаева). Из клерикальных партий была «ХДС-христиане России» (В. Савицкого), «НУР-мусульманское движение» (Халит Яхина). Из культурно-воспитательных обществ и движений был «Блок Говорухина». Не участвовало в выборах ни одного монархического центра или союза.

Система общественных организаций, различающихся взглядами на человека, и их политические лидеры в 2005 году

Типы Виды	II тип партийной аргументации: Природная асоциальность человека (партии технократического пессимизма)	I тип партийной аргументации: Природная социальность человека (партии бюрократического оптимизма)
I вид партийной аргументации Человек может преодолеть природные ограничения за счет науки, техники, и создать партию, политическое общество (направленность в Будущее)	<p>Группа А: военно-промышленная идеология</p> <p>1. Фронты противостояния, сопротивления – КИПРФ (Г. Зюганов) – «Коммунисты – Трудовая Россия – за Советский Союз» (В. Толькин) – «Власть народу» (Н. Рыжков)</p>	<p>Группа В: социал-демократическая идеология</p> <p>9. Радикальные партии – «Вперёд, Россия» (Б. Фёдоров) – «Самостоятельное управление» (С. Фёдоров) – «Яблоко» (Г. Явлинский)</p>
3. Военно-спортивные союзы – «Моё Отечество» (Б. Громов) – «Держава» (А. Ручкой)	<p><i>Аргументация приурождения</i></p> <p>4. Ассоциации профессиональные – «Аграрная партия» (М. Лапшин) – «Ассоциация адвокатов России» (А. Малаев)</p>	<p><i>Аргументация доказательства</i></p> <p>11. Демократические партии – ДВР-ОД (Е. Гайдар) – «Социал-демократы» (Г. Попов) – «ПРЕСС» (С. Шахрай) – «Дума-96» (В. Буренин) – «Федерально-демократическое движение» (О. Новиков)</p>
		<p>10. Транснациональные партии – «Наш дом – Россия» (В. Черномырдин) – «Блок Ивана Рыбкина» – «Стабильная Россия» (О. Петров) – «Преображение Отечества» (Э. Россель) – «Партия экономической свободы» (К. Боровой) – «Республиканская партия» (Памфилова-Гуров-Лысенко)</p>
		<p>12. Социалистические партии – «Профсоюзы и промышленники» (В. Щербakov)</p>

<p>Типы Виды</p>	<p>II тип партийной аргументации: Природная асоциальность человека (партии технократического пессимизма)</p>	<p>I тип партийной аргументации: Природная социальность человека (партии бюрократического оптимизма)</p>
<p><i>РОД общественных организаций, использующих политическую аргументацию, политические партии</i></p>		
<p>II вид партийной аргументации Человек не может контролировать природную неизбежность, потому что наука не преодолеть природных ограничений человека</p>	<p>Группа Б: дискриминационно-протестантская идеология 5. Партии дискриминируемых меньшинств – «Женщины России» (А. Федулова) – «Общее дело» (И. Хакамада)</p>	<p>Группа Г: национал-патриотическая идеология 13. Национально-патриотические клубы – «Конгресс русских общин» (Ю. Скоков) – «За Родину» (В. Поливанов) – «Национально-революционная партия» – «Международный союз» (А. Микитаев)</p>
<p><i>Аргументация убеждения</i></p>		
	<p>7. Гуманитарные и экологические движения – «Экологическая партия КЕДР» (А. Памфилов)</p>	<p><i>Аргументация внушения</i> 15. Культурно-воспитательные общества – «Блок С. Говорухина» (В. Савицкий)</p>
<p><i>Аргументация внушения</i> 16. Клерикальные партии – «ХДС – демократы России» – «НУР – мусульманское движение» (Халит Яхин)</p>		

Группа дискриминационно-протестантских партий состояла из 11 объединений: протестантов представляли ЛДПР В. Жириновского, «Партия любителей пива (К. Калачева), «Блок независимых» (?), Поколение рубежа» (Д. Солонникова), «Блок-89» (?), «Народный союз» (В. Лукьянова). Из экологических движений присутствовала «Экологическая партия «КЕДР» (А. Памфилова). Ветеранские организации представляла «Защита пенсионеров и ветеранов» (Дж. Давиташвили). Дискриминируемые меньшинства выступали в лице «Женщин России» (А. Федулова), «Защиты инвалидов» (В. Дидуля), «Общего дела» (И. Хакамады).

Другие партии и объединения являются лишь вторыми-третьими-четвертыми слабыми копиями шестнадцати названных естественных политических партий. Эти позиции есть в недрах общества в формализованной или в латентной форме, и неизвестно, какая из них захватит власть, если новая политическая реальность создаст условия для этого.

К сожалению, результаты исследования программ партий, их публикаций, выступлений, интервью показали, что:

А. Партийные программы малоизвестны (публикуются не полностью или чужие тексты). Складывается впечатление, что их просто не существует, а то, что публикуется, создавалось непрофессионалами.

Б. Политическая аргументация, тем не менее, присутствует. Но авторы программ формируют свою политическую аргументацию случайным образом. В большинстве случаев они словно не знают, что их аргументация когда-то была кем-то разработана, обоснована, использована, применяется сейчас и имеет своё историческое название.

В. Отсутствует связь между названиями партий и политической аргументацией их лидеров. Новые политики присваивают себе и своим партиям названия (демократов, либералов, республиканцев и пр.) без достаточного основания и преследуют часто политические цели, которые никак не совпадают с названием партии и партийными символами.

Предложение первое. Не повторять случайное формирование партийно-политической системы России. Использовать систему, точно соответствующую структуре общества, чтобы не передавать «потерянных людей» в зону действий однодневных сетевых структур.

Текущий момент характеризуется тем, что всем политическим партиям России предстоит «пережить второе рождение» – нет уже той ситуации, под которую они создавались. Но опасна бессистемность формирования новых партий. Такой опыт у России есть ещё со времён разногласий М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачёва, а потом борьбы между собой либералов Милюкова, демократов Керенского, консерваторов Корнилова, революционеров-радикалов Ленина: эта борьба фактически «развалила» Россию. Перед революцией 1917 года и во время неё в России действовало пять социал-демократических партий, пять неонароднических партий, девять либеральных партий,

четыре монархических партии. Что получилось – известно. Сейчас политические партии в России (их несколько десятков) оказывают незначительное влияние на поведение людей и никаких масс вести за собой не могут: народ «обжѣгшись на молоке – дуёт на воду».

Тем не менее, совершенно очевидно, что система естественного воспроизводства партий действует, и сегодня совершенно отчётливо просматриваются потенциальные лидеры на всех 16 позициях партийно-политической системы. Они могут «перекрыть всё «электоральное поле» и представить интересы большей части народа.

Теоретически и практически политическое поле России делится на пять частей:

- 1) Право-консервативная позиция.
- 2) Лево-либеральная позиция.
- 3) Либертарианская позиция.
- 4) Авторитарная позиция.
- 5) Модераторная или центристская позиция.

Однако большинство политических партий России «кучкуются» плотно в центре поля. «Левые» и «правые» позиции практически никем не заняты, и в реальной политической жизни в стране не представлены (рис. 1).

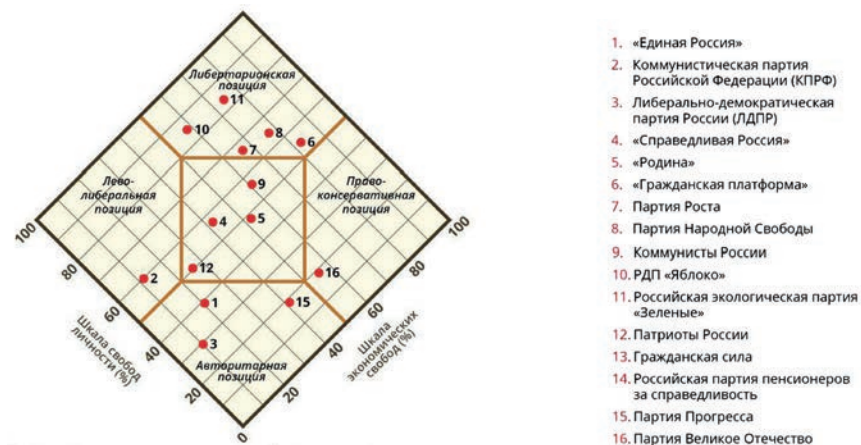

Рис. 1. Распределение партий в «политическом поле» России до появления двухпартийной системы

Поэтому в начале 2019 года даже парламентские партии Российской Федерации оказались отодвинуты от политического процесса и появляются в повестке новостей каждый день только лишь в проплаченных государством СМИ. Фактически «политику» перехватили структуры, которые утверждают, что «они не занимаются политикой», хотя эффективно делают её: театры, киностудии, писатели, режиссёры, блогеры, представители общественных наук и т. п.

Система общественных организаций, различающихся взглядами на человека, и их реальные или потенциальные политические лидеры в 2019 году

Виды и типы идеологии	II тип общественного опыта: Человек от природы асоциален	I тип общественного опыта: Человек от природы социален
I вид личного опыта	<p><i>Группа А: военно-промышленная база</i></p> <ol style="list-style-type: none"> Военно-спортивные союзы: Калашников М. Т., Беляев Н. А. Фронты сопротивления: Навальный А., Яшин И., «Соцсопротивление» (троцкисты) Ассоциации профессиональные: Калягин А. А., Шведкой М. Е., Михалков Н. С., Аузан А., Шульгин М., Фокин В. В. Научно-промышленные общества: Титов Б., Бабкин К. А. 	<p><i>Группа В: социал-демократическая база</i></p> <ol style="list-style-type: none"> Радикальные взгляды: Жиринский В. В., Лысенко Н. Демократические взгляды: Медведев Д. А., Богданов А. Социалистические взгляды: Зюганов Г. А., Миронов С. М., Губенко Н. Транснациональные взгляды: Явлинский Г., Касьянов М.
II вид личного опыта	<p><i>Группа Б: дискриминационно-протестантская база</i></p>	<p><i>Группа Г: национал-культурная база</i></p>
Человек не может контролировать природную неизбежность, потому что наука не преодолеть природных ограничений	<ol style="list-style-type: none"> Партии анархистов: Михальченко В. Гуманитарные и экологические движения: Мальцев А. Ветеранские организации и благотворительные общества: Пономаренко В. В., Зотов И. Л. Партии дискриминируемых меньшинств: Ховраева Г. Ф., Свиридов В. Д. 	<ol style="list-style-type: none"> Национально-культурные и патриотические позиции: Путин В. В., Шойгу С. К., Лавров С. В., Трутнев Ю. П. Журавлёв А. Клерикальные партии: НЕТ! Монархические партии и союзы: Баков А., Савельев А., Симанович-Никшич Л. Д., Аксёнов С. Культурно-воспитательные общества: и движения: Семитин. Г.

Совершенно очевидно, что «политически страна теряет управление»: у неё нет идеологии по Конституции Российской Федерации, а народу неизвестна идеология политических партий. Поэтому каждый вброс в страну идеологии «партнёров» России находит живой отклик у большей части населения. Всё это говорит о том, что политическая система России должна быть модифицирована таким образом, чтобы партии и их лидеры вернули доверие, авторитет народа и в трудный час могли бы скреплять и организовывать своей идеологией страну для борьбы с внешними и внутренними врагами.

Предложение второе. Сбалансировать партийно-политическую систему России за счёт заполнения двумя усиленными партиями две пустующие части политического поля. Исключить уход наиболее активной части населения от системных партий к сетевым политическим организациям «одного дня», типа «жёлтых жилетов».

Представить «балансировку» партийной системы России можно методом David Nolan, основанного на том, что любая политическая партия обязательно регулирует две свободы – экономические и личные (рис. 2). Тогда вместо одномерной шкалы, протягивающейся от Сталина до Гитлера, открывается двухмерное политическое поле с двумя осями: одна – для персональных свобод человека, вторая – для его свобод экономических. И тогда в политическом поле находят своё естественное место:

1. Партии авторитарного типа (ограничивающие личные и экономические права человека).

2. Либертарианского типа (расширяют личные и экономические права человека).

3. Либерального типа (расширяют экономические права, но ограничивает его личные права).

4. Консервативного типа (ограничивают личные права человека, но поддерживает его экономические права).

5. Партии типа Moderator (частично ограничивают и частично поддерживают как экономические, так и личные права человека).

Партий в России всё-таки должно быть две, как учит мировой опыт. С левым крылом системы всё более или менее перспективно: после распада СССР в России остаётся сильный авторитет социал-демократии. Эта партия без проблем будет понятна народу, если её авторитет не будут растаскивать мелкие коммунистические, демократические и социалистические партии. Эта партия особенно полезна для представительства за рубежами России.

С правым крылом системы всё намного сложнее. Опыт консервативных партий в России был неудачен: все они как создавались, так и исчезали, обретая множество противников. Бесславно забыты Дубровин, Марков, Грингмут, Пуришкевич, Гучков и др., но правое крыло не должно быть радикальным, потому что эту идеологию неумело использовали НБП, ДПНИ, НПФ. К сегодняшнему дню в России запре-

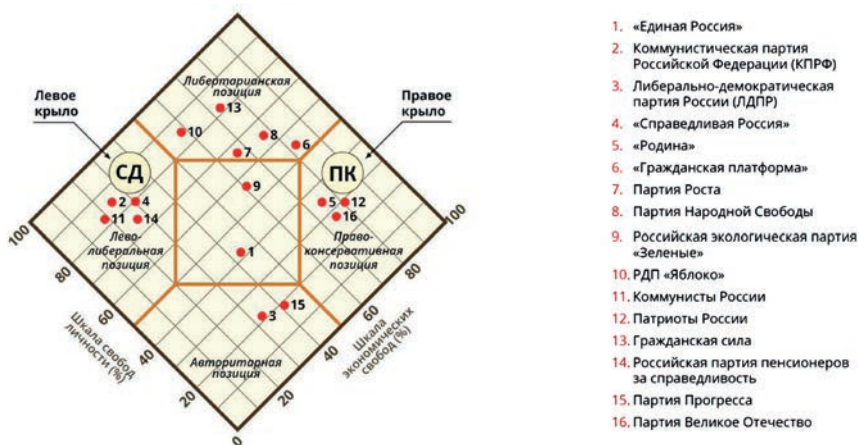

Рис. 2. Распределение партий в «политическом поле» России после появления двухпартийной системы

щены 13 радикальных партий и организаций, которые не смогли стать политическими, оставшись на бытовом уровне понимания политики.

Мои коллеги сказали, что 42 процента населения находятся вне влияния действующих политических партий. Это означает, что в политическом поле России нет политических партий, отражающих их точку зрения на ситуацию в стране. Но преодолевать неустойчивую и плохо предсказуемую политическую ситуацию придётся. Потому что зарегистрированные политические партии сосредоточены на крайне неустойчивой «либертарианско-авторитарной» вертикали, в то время как очень слабы крылья, стабилизирующие политическую ситуацию (леволиберальное и правоконсервативное).

Заключение: новая политическая реальность не имеет своего содержания, она – форма радикальных изменений, которые в XXI веке происходят во всех сферах жизни общества, начиная от искусства и кончая политикой. Она уже привела к хаосу политические системы во многих странах мира.

Системные классические политические партии пока не видят разрушительной активности новой политической реальности. А фактически партии уже почти утратили управление реальной жизнью в своих странах. Политическую мобилизацию населения начинают осуществлять разовые сетевые объединения без своей философии и идеологии.

Причиной такой близорукости классических политических партий стало их ригидное следование формулам и стандартам политики, которые были выработаны ещё в XIX веке, но которые уже неадекватны пост-глобальному «миру без границ». Партийно-политической системе России тоже нужна трансформация.

Конкретное предложение: необходимо сбалансировать распределение партий в политическом поле России за счёт усиления на «пустующих политических пространствах» двух противостоящих партий большинства избирателей: мощной социал-демократической партии – слева, и сильной радикально-консервативной партии – справа. И политическая система станет стабильной и эффективной. Доклад закончен.

Спасибо за внимание.

Председательствующий. Спасибо, Александр Иванович.

(Аплодисменты.)

Я приглашаю на трибуну российского политического и общественного деятеля, экономиста Никиту Олеговича Исаева. Пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Исаев Н. О. Добрый день, уважаемые коллеги, добрый день, Сергей Михайлович, добрый день, Алексей Александрович!

Благодарю за приглашение.

Уважаемые коллеги, вы знаете, начали мы за здоровье, бодро, Евгений Минченко нескромно даже, но это ему позволительно. И даже Сергей Михайлович был действительно достаточно радикален для себя, а потом как-то, мне кажется, мы начали чуть-чуть засыпать. Не в обиду коллегам, собственно, это их работа говорить вещи содержания более научного, но, мне кажется, страна сегодня находится в том положении, когда не кричать невозможно.

И в тот момент, когда Евгений Минченко говорит о новой политической реальности, мне кажется, это уже небольшое отставание. Об этом можно было говорить в тот момент, когда людям ударили «мешком по голове» прошлым летом, и запустили те самые непопулярные политические реформы, которых уже, наверное, с десятком. Они вступили в силу именно сейчас.

Сейчас, на мой взгляд, мы в России находимся во внутривнутриполитическом кризисе. Просто он ретушируется некоторыми политическими партиями. Коллеги говорят: наши братья из КПРФ... и так далее. Это не оговорка, это, по большому счёту, и есть некая реальность. Абсолютное зазеркалье происходящего в политической системе, или то, что нам показывают в медийном пространстве, в Государственной Думе, определённым образом в общественной дискуссии, во многом ещё модерлируемой по старым лекалам, это говорит о том, разумеется,

что ни власть, ни экспертное сообщество, ни наши политические модераторы, ни исполнительная, ни судебная, ни иная власть не способны сегодня дать ответ на вопрос, где мы сейчас находимся.

Мы, очевидно, с вами, на мой взгляд, не способны дойти спокойно до тех электоральных циклов, о которых мы сегодня говорим. 21-й год – Государственная Дума, 24-й год – Президент Российской Федерации.

Не уверен, что мы спокойно сможем дойти и до ближайшего электорального цикла Единого дня голосования без не просто трансформации, о которой мы сегодня говорим, не просто перезагрузки, о которой вы аккуратно сегодня высказываетесь, а без серьёзной перенастройки политической системы в стране.

Мы с вами наблюдаем, что происходит в мире. Сегодня очень редко звучало понятие не просто «политической изоляции», но и определённого политического удушения, которое идёт. Более того, вы отлично понимаете и часто сами об этом говорите, о том, что лекала, которые применяются в Армении, в Украине, определённым образом в Венесуэле, определённые попытки были в Иране, будут касаться и Российской Федерации. Вы понимаете, лекала эти не новые, изобрели их давно, и они были достаточно эффективны, в том числе и в отношении Советского Союза, который распался по этим же лекалам.

Иными словами, впереди нас может ждать именно это, и никто не будет останавливаться в этом направлении. И что мы должны сделать? Мы должны проявить политическую волю для того, чтобы перезагрузить экономическую систему, а после этого и социальную систему.

Экономический кризис у нас совпал во многом с тем самым крымским консенсусом, о чём сегодня уже говорили. Это были 14-й и 15-й годы.

После того, как крымский консенсус начал немного сходить на нет, не все политические партии стали выходить на одну трибуну, в том числе и де-факто. В какой-то момент это стало уже определённым образом социальным кризисом: происходит падение покупательской способности населения, качество жизни россиян пять лет стабильно падает. А сейчас это дополнилось очевидным политическим кризисом, абсолютным недоверием ко всем политическим институтам.

Сегодня очень много называлось различных цифр, фактов, подтверждающих это недоверие.

Я в прошлом году на машине проехал из Москвы до Сахалина, был в 29 регионах, общался с простыми обычными людьми. Да, понятно, что они готовы многое терпеть, и власть только на это рассчитывает, считая, что зазеркалье, которое есть, обеспечено именно спокойствием русского народа и способностью терпеть.

Так вот, например, в Челябинской области уровень доверия к партии власти ещё три месяца назад был удовлетворителен, а те-

перь, по данным РАНХиГС, снизился до 19 процентов. Уровень доверия к Коммунистической партии Российской Федерации, которой во многом отдали весь протест, в прошлом году – 7 процентов, ЛДПР, во многом из-за лидера, – 5 процентов, к «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» – 3 процента. Иными словами, уровень доверия граждан России тем политическим партиям, которые сегодня есть, составляет 30 процентов.

Я, конечно, приветствую то, что здесь присутствуют представители партии и люди, которые в своё время находились в очень непростом политическом диалоге, и сейчас этот диалог определённым образом ведётся. Это очень правильно, что они посылают этот сигнал. Если подключатся другие политические силы, очень здорово.

Во многом согласен с тем, что это будет популизм. А что, политика – это не популизм? Трамп – это не популизм? Макрон – не популизм? Почему в России не должно быть популизма... Да, наверное, вы скажете, что это плохо, но это во многом и есть политика. Нам нужна и такая риторика. В противном случае, мы станем предателями в своём собственном государстве, не понимая, что мы уведём свою страну, которая находится во многом на последнем издыхании, вообще с политической карты мира. Вот это нужно понимать. Экономических возможностей, кормовой базы у нас нет, а изоляция, в которой мы находимся, когда-то пустила под откос гораздо более серьёзную страну – Советский Союз. Спасибо большое.

Председательствующий. Спасибо, Никита Олегович.

Я приглашаю на трибуну члена Федерального совета Всероссийской политической партии «Партия Дела» Юрия Васильевича Крупнова. Пожалуйста. (*Аплодисменты.*)

Крупнов Ю. В. Спасибо.

Уважаемые коллеги, я представляю партию, которая последние три года штурмует региональные парламенты и по социологии набирает от 10 и более процентов, причём, буквально с нуля, за 3–5 месяцев. И все три года «Партию Дела» сносят, не пускают на выборы. Я здесь ни в коем случае не жалею, и мы прекрасно всё понимаем, что происходит, просто хочу сказать, что с нашей точки зрения никакой проблемы партийного поля по факту не существует. Пустите настоящую партию в реальную политику, в реальную игру при всех там вбросах – и всё сразу

станет интересно, заиграет. И люди сами определятся везде – в Костромской области в 2015 году, в Забайкальском крае в прошлом году, в Сахалинской области. Люди всё прекрасно понимают, принимают правильные решения. В самых тяжёлых депрессивных районах есть умные люди.

Поэтому, когда я слышу о том, что нам надо реформировать что-то в партийном поле и так далее, то, знаете, возникает совсем другой вопрос: реформировать надо только одно. Допустить нашу партию к выборам. А те партии, которые не способны делать политику, должны доказать, на что они способны, в равной борьбе с теми партиями, которые показывают даже при всех репрессивных действиях нормальные результаты. И всё, у нас сразу политика будет, и всё реформируется буквально за несколько месяцев.

И в этом плане, представляется, необходимо отметить, что мы потеряли всё-таки проблематику партий вообще. Партий как всё-таки не бюрократических, а политических субъектов. А политика, с моей точки зрения, и я, конечно же, абсолютно не согласен с господином Исаевым, политика – это не популизм. Политика – это не грязное дело. Политика – это самое чистое, самое важное дело. Поскольку политика определяет, останется тысячелетняя российская государственность во всемирной истории, либо к концу столетия или раньше русские и российская государственность исчезнут из неё.

Поэтому политика – это самое важное. Как это политика без идеологии? Выступает господин Соловей, прекрасно рассказывает нам о том, что идеология, политика – всё это, мол, чистый популизм... Вот это, на мой взгляд, называется профанацией политического поля. Политика – это самое важное дело, потому что за нами стоят не только те, кто в войну 27 миллионов своих соотечественников потеряли, за нами тысяча лет российской государственности. И мне лично кажется циничным обсуждать, что политика – это вопрос популизма. Тем более, ещё раз повторяю, что у нас люди в регионах умнейшие, всё прекрасно понимают.

Следующий момент. Отсюда возникает вопрос вообще о наличии в стране флагманской партии. Многопартийность, малопартийность, двухпартийность... Прекрасные конструкции, конечно! Сидят конструкторы и мордоделы, которые с утра до вечера изобретают, так сказать, сценирование политических полей. Мы их уважаем как прекрасных политтехнологов, да. Но вопрос-то идёт о другом.

А есть ли у нас хотя бы одна партия? Вот когда мы говорим многопартийность... Вот был, якобы, плохой Советский Союз, там не было, значит, много партий, а теперь у нас появилось так много хороших партий. Но на самом деле много партий у нас по факту не появилось. У нас исчезла и та одна, которая была.

То, что в Конституции СССР 1977 года были слова о КПСС как направляющей и руководящей силе, многим не нравилось. Да, нельзя

было государственный аппарат так давить партийным, да, плоха была эта монополия.

Но, когда писалась статья 6 о том, что КПСС – руководящая и направляющая сила, как бы то ни было, речь шла именно о силе. Сегодня точно так же требуется сила.

А что мы сейчас видим? Что партии, которые у нас сегодня в парламенте – никакой силы собой не представляют. Даже одна «монополия» – какая она партия, какая она сила?

А что будет, если совсем убрать административное давление?

Поэтому вопрос всего в одной партии. Нужна хотя бы одна партия. Но, к сожалению, она, эта единственная партия, не появится, если будет продолжаться и дальше совершенно нелогичное и антинародное давление на дееспособных политических субъектов, которые не выступают против государственности, не выступают против Президента России, но их упорно вытесняют с политического поля.

Когда в Костромской области нас убрали с выборов, я перед этим был в известных местах в центре Москвы, где мне сказали: вы раскачиваете лодку! Мне цитировали слова Ходорковского и говорили: «Его слова очень уж похожие на ваши».

И на следующий день в Верховном Суде нашу партию окончательно снесли. Но кого пропустили? ПАРНАС. Вот ПАРНАС – вероятно, это партия, которая, конечно, стабилизирует страну. И спасёт страну. Так что ли?

Впрочем, понятно, почему ПАРНАС. Потому что надо было найти безобидного противника для «ЕДИНОЙ РОССИИ». Но ущерб в целом наносится политике и стране.

И последние два момента.

Мне очень всё напоминает конец 1980-х годов, потому что проблема у нас даже не в том, что там «ЕДИНАЯ РОССИЯ» кого-то давит или Старая площадь кого-то давит и так далее. Бог с ними. Проблема в другом – в том, что, ещё раз повторяю, в стране нет надёжной политической силы. И с моей точки зрения, сегодня нужна только одна партия. Я очень надеюсь, что «Партия Дела» и есть такая партия, это партия рывка. Президент 4,5 года говорит про рывок. Уже многим это смешно, эти слова про рывок люди, часто совершенно справедливо, воспринимают как издевательство. Но рывок нужен. Объективно необходим. Нам нужно вытягивать страну из 30-летнего болота.

Поэтому, я считаю, вопрос не в двух-трёх годах, которые прошли, а в том, что мы находимся в этой задержавшейся на 30 лет перестройке, где ничего не перестроилось. Самое подлое и самое циничное из советского великого периода просто ещё более огрубело и зацементировалось. И вдобавок всё теперь замешалось на деньгах и на встраивании в мировую финансовую систему.

Поэтому вопрос идёт сегодня не о переформатировании политической системы, а будет в России вообще политика или нет?

Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. Я приглашаю на трибуну руководителя консалтингового агентства «Бакстер-групс» Дмитрия Геннадьевича Гусева.

(Аплодисменты.)

Гусев Д. Г. Здравствуйте.

Вот Юрий Крупнов у меня с языка как раз снял фразу о том, что я вот сидел, на всё это смотрел, и пока Никита Исаев спал, я тоже вспоминал 80-е годы.

Тогда было очень много дискуссий про то, какая нам нужна политическая система, какие плохие бюрократы, что у нас лишь одна партия, что есть запрос на справедливость, ещё была тема экологии. Все здесь в этом зале, мне кажется, помнят все темы, которые тогда поднимались. Очень много все депутаты об этом говорили, добились популярности на этих темах. Но закончилось, мы знаем чем.

Вот смотрю я сейчас на это, наблюдаю и думаю: ну, о чём разговор? Конечно, можем говорить о том, что политическая система нуждается в изменениях. Ну, конечно, нуждается. Но посмотрите, сколько депу-

татов в зале. Товарищи депутаты, вы предлагайте, это же в ваших руках. Предлагайте, изменяйте какие-то политические системы, а то вы только говорите: того не хватает, сего не хватает.

Я вот с утра сегодня с батюшкой в храме беседовал. Говорю: знаете, тут вот такая ситуация, тут надо менять. Он меня послушал и говорит: а ты с себя-то начни. Я говорю: с собой понятно, но вот вы знаете, понимаете... Он говорит: послушай, ты с себя начни, и дальше всё поменяется.

Поэтому я-то хотел выступить как раз о том, с чего можно было бы депутатам начать уже сейчас, не претендуя на какие-то огромные глобальные изменения политических конструкций в стране, надо начать менять себя.

Вот мы с политологом Алексеем Мартыновым готовим такой рейтинг, он называется коэффициент полезности депутатов Государственной Думы или КПД ГД. Это такой большой интегральный рейтинг. Один из его параметров медийность. Медийность, то есть упоминаемость депутатов в средствах массовой информации и в сети «Интернет». Мы уже составили пять таких рейтингов.

И вот, когда мы получили эти данные, то решили для себя – пока такие данные не публиковали, надо посмотреть: а за счёт чего достигается эта медийность? И выяснили, что 70 процентов совокупной медийности депутатов никак не связано с их депутатской деятельностью.

Ну, казалось бы, в этом ничего страшного нет, ведь депутаты – люди публичные, среди них и народные артисты, и звёзды спорта. Кто-то из них интересные инициативы предлагает, кто-то «Матильду» хочет запретить, кого-то журналистки упрекают в приставаниях, кого-то за коррупцию взяли... В общем, медийности депутатам хватает, ничего страшного в этом вроде бы нет.

Однако мы обнаружили, что среди депутатов есть такие, чья личная медийность на 99 процентов состоит из депутатской медийности. Например, Ирина Яровая. Ну, а почему? Понятно, почему. Вот есть закон Яровой, вот она постоянно выступает, вот она кому-то не нравится, вот кто-то её защищает, вот она постоянно находится в центре скандалов, связанных именно с её инициативами. И эти депутаты, кстати говоря, в первой десятке, в первой двадцатке находятся. И делают примерно процентов сорок всей вообще депутатской медийности. Вот Валерий Гартунг улыбается, потому что он тоже в этой десятке.

Но дальше мы посмотрели – а что за темы, за счёт чего депутатская медийность достигается? И поняли, что эти темы все связаны с вопросами потребительской жизни человека. У нас человеческая жизнь состоит в основном из потребления: утром вышел, сел в автобус, билетик купил, из автобуса вышел, и в магазин потом отправился, в кафе пообедал днём, ну и так далее. Всё связано с потреблением. И вот как только депутаты затрагивают темы, которые касаются денег,

которые касаются человеческого потребления – всё, сразу хайп, сразу рейтинги, сразу медийность, это сразу упоминаемость в СМИ.

Однако такие темы депутаты рассматривают на самом деле не очень часто. Но вы посмотрите, как это работает. Вот у нас с Нового года самой рейтинговой темой в сети «Интернет» была тема с девятью яйцами вместо привычных десяти. То есть, казалось бы, обычный маркетинговый ход превратился в антиправительственную манифестацию. У меня теперь вопрос: кто-нибудь из политических партий включился в эту тему? Потому что ритейлеры очень быстро объяснили: это маркетинг, вот есть 8 яиц, 12, есть 6, а теперь 9, какие проблемы? Кто-нибудь из депутатов встал на защиту людей, сказал: ребята, если теперь в упаковке 9 яиц, то она должна по цене отличаться от упаковки, где было 10 яиц. Если мы говорим о справедливости. Да никто не включился!

Поэтому я призываю вас, товарищи депутаты, и всех, кто занимается политикой, идти в ногу со временем, брать самые хайповые темы, которые касаются повседневной жизни людей, делать на этом свои рейтинги. И тогда, когда речь зайдёт о реформе, изменениях политической системы, у вас здесь будет не парламентское меньшинство, а парламентское большинство, может быть. И тогда вы сможете менять, уже ни с кем не советуясь, политическую систему в любом русле. Спасибо большое.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Спасибо, Дмитрий Геннадьевич.

Я приглашаю на трибуну директора Фонда прогрессивной политики Олега Владимировича Бондаренко.

(Аплодисменты.)

Бондаренко О. В. Добрый день, уважаемые коллеги!

Спасибо за приглашение на эту конференцию, действительно, очень актуальную тему обсуждаем. Вообще, конечно, здесь сегодня уже было сказано очень многое, не буду повторяться.

Когда крымский консенсус закончился, никто не вспомнил знаменитую расхожую в Севастополе фразу: неважно, что будет после, главное, что мы теперь дома, а после хоть камни с неба. И вот сейчас эти политические камни с неба начали падать. И выяснилось, что система-то к ним на самом деле готова не была.

Я бы хотел остановиться на перспективах третьей силы. В силу того, что и крымский консенсус закончился, и экономическая база,

как уже сегодня было сказано, стала значительно меньше. Для большинства населения нашей страны экономика стала важнее политики. И приоритет социального запроса над общепатриотическим, он действительно очевиден. С одной стороны, это уже хорошо, потому как в Соединённых Штатах все патриоты, вне зависимости от того, республиканцы это или демократы. Но отличаются они именно в экономике.

И, конечно, пенсионная реформа стала таким катализатором падения доверия населения к власти, катализатором перехода этого социального протеста уже в протест политический, что мы увидели на выборах в конце прошлого года, когда несколько кандидатов партии власти не смогли переизбраться.

Тот рейтинг, 72 процента, который получил Президент России Владимир Путин в марте, оказался пиком доверия населения к власти, после которого уже очевидно начался очередной, уже не первый такой отскок назад в плане доверия населения не лично к президенту, а к системе.

Второй важный момент. Здесь уже говорилось и Дмитрием Гусевым, и Юрием Крупновым, что на самом деле страна находится на пороге новой перестройки партийно-политической модели. Слово «перестройка» у нас вызывает очень негативную ассоциацию, но это правда, да. Основные политические партии, согласно всем опросам, в нынешнем виде себя практически исчерпали, и жизненно необходимо обновление такое уже в более европейском ключе: левым – налево, правым – направо. Должна произойти какая-то кристаллизация ценностей, идей.

Центризм, идеология центризма больше работать явно не будет, и, кстати, вот эта поляризация политических предпочтений активно происходит в Европе. Можно посмотреть на Германию, где сторонники крестьянско-демократического союза всё больше и больше уходят в сторону более правой альтернативы для Германии, а бывшие избиратели социал-демократической партии начинают выбирать левых. Это, в общем-то, тренд общеевропейский, и вряд ли России удастся как-то из него выйти.

Нормально быть популистом в новое время, да. Это, мне кажется, нужно менять коннотацию, и слово «популист» больше не является, на мой взгляд, каким-то оскорбительным словом, потому что, если уж исходить из его истоков, то быть популистом значит выражать те точки зрения, которые хочет услышать народ. И это абсолютно нормально, выступать за то, за что выступает народ.

Касательно левого фланга. Конечно, он сегодня в силу актуального запроса на социальную повестку наиболее перспективен и его занимает в центре такая центристско-левая КПРФ, но есть ещё на самом деле очень много ниш. Есть ниша убеждённых социал-революционеров, более радикальных, чем коммунисты, это пустая ниша. Есть ниша экологов, которая, несмотря на огромное количество экологических проблем в нашей стране до сих пор не занята. А, между тем, запрос на создание ответственной и сильной зелёной партии в России точно есть. Кто возьмёт эту повестку?

Есть запрос, в конце концов, о чём также уже сегодня говорил и Никита Исаев, на умеренных, но чётко артикулирующих свои ценности и повестку дня социал-демократов.

В этом смысле, конечно, на фоне падения популярности партии власти «ЕДИНОЙ РОССИИ» и в ожидании реформирования левого фланга запрос на появление вот этой третьей силы мог бы выразиться, в том числе, в создании социал-популистами консерваторами такой партии, какой, в общем-то, и была в 2003 году партия «Родина». И не надо ничего нового выдумывать.

Для меня, как для человека левых взглядов, в принципе, это очень такой несправедливый вопрос. Мы помним, как «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» выходила изначально когда-то с повесткой возможной второй партии власти. Эта повестка оказалась нереализованной, на мой взгляд, это была большая ошибка российской власти. Если бы она была реализована, то, может быть, и многие социальные моменты сегодня актуальные, можно было бы как-то микшировать. Но и «СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ» нужно больше новизны.

А, простите, Сергей Михайлович, у вас только товарищ Шеин из наиболее ярких левых ораторов выступает с этой повесткой. Внутри КПРФ много молодых кандидатов на лидерство в этом смысле, и тоже можно посмотреть, кто там: Андрей Клычков, Юрий Афонин, ещё кто. И самое главное, конечно, или будет найден ответ на поли-

тический – вот этот – запрос, и он окажется в политическом русле, и тогда все протестные настроения уйдут на избирательные участки либо они уйдут на улицу. И я здесь полностью согласен с Евгением Минченко. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Председательствующий. Спасибо большое.

Приглашаю на трибуну доктора экономических наук, научного руководителя АНО «Институт проблем глобализации» Михаила Геннадьевича Деягина, пожалуйста.

(Аплодисменты.)

Деягин М. Г. Спасибо большое, дорогие товарищи. Очень приятно выступать в этом зале.

Позвольте говорить о фундаментальных факторах, которые происходят сейчас с нами. Они слишком масштабны и длительны, чтобы мы замечали их, а между тем именно они в первую очередь определяют наше поведение. Этих факторов три, причём два из них имеют всеобщее значение. Прежде всего, это информационная революция, которая, с одной стороны, как здесь было сказано, делает нас абсолютно свободными, в частно-

сти, освобождая политика от медийной зависимости и давая ему возможность через соцсети обращаться к людям напрямую. Более того: сегодня мы уже не нуждаемся в громоздких организационных структурах, потому что при минимальной эффективности каждый оказывается один в поле воин. Это новая реальность, которую трудно даже осознать, – не то, что привыкнуть к ней.

Но, с другой стороны, эта же самая информационная революция делает нас крайне управляемыми. Скажем, социальные сети позволяют манипулировать поведением человека, который абсолютно свободно принимает решения без всякого принуждения и при этом с вероятностью 90 процентов и больше делает именно то, что от него требуется. Это мы видим сейчас и в развитых, и в неразвитых обществах; и в Америке, и на Украине.

Безусловно, это касается инструментов политической работы, а инструментарий дело вторичное, потому что самое главное определить цели. Но даже если мы правильно определим цели, однако при этом окажемся без инструментов... Думаю, не только делавший ремонт самостоятельно способен оценить такое положение.

Второй фундаментальный фактор, общий сегодня для всего мира, – это ликвидация среднего класса. О причинах этого и о том, как

это сейчас происходит, можно зачитать диссертацию, но нам важен итог: уничтожение среднего класса – это базовая тенденция, которая скоро приведёт к его исчезновению. А ведь все институты общества, к которым мы привыкли, исходят из среднего класса и опираются на него. Даже пресловутая демократия – она от имени и во имя именно среднего класса, а отнюдь не народа. Не случайно слово «народ» исключено из либерального дискурса. С ликвидацией среднего класса вся общественная структура, не говоря о политической, летит в тар-тарары. Классический пример того, что происходит при этом с общественным сознанием, – это слово «популизм».

Как правильно сказал Олег Бондаренко, популизм-то в сегодняшней ситуации – это синоним демократии. И люди, которые осмысленно говорят о недопустимости популизма, знают, что на самом деле они говорят о недопустимости демократии. Потому что новая структура человечества – это, с одной стороны, глобальный финансовый спекулятивный бизнес, стоящий над государствами и манипулирующий ими (причём на его фоне нет разницы между Эстонией и США, только Китай выбивается пока из общего ряда), а, с другой стороны, – народы, которые хотят комфортно жить, которые хотят нормального благосостояния. И как здесь говорилось, кричат, потому что у них нет слов для новой, ещё не осознанной ими реальности.

И в этой ситуации мы имеем феномен не только fake news, мы имеем феномен fake science, представители которого, например, как мы слышали даже здесь, всерьёз исходят из того, что главное отличие между Россией и Польшей, о котором стоит говорить, заключается в различных сроках сменяемости власти.

Повторю базовые тенденции, в рамках которых мы сегодня живём. Это, во-первых, информационная революция, которая даёт возможности, но и резко ограничивает способность ими пользоваться, и, во-вторых, это уничтожение среднего класса, который обрушивает нас куда-то близко к средневековью.

Наконец, третий фактор, определяющий нашу жизнь, – это нынешняя специфика России. Это ползучий государственный переворот, который начался сразу после президентских выборов, когда огромная часть государства занялась тем, чтобы сделать жизнь людей невыносимой и в моральном, и в психологическом, и в социальном, и в материальном плане и вытолкнуть людей на улицу.

Организаторами этого переворота, насколько можно судить, являются либералы, которые контролируют социально-экономическую политику России через правительство Медведева и Банк России Набиуллиной. Разумеется, слово «либерал» я использую в современном смысле, то есть не борец за свободу и ответственность личности, как было во времена Вольтера, а, как было уже во времена Керенского, истово верующий, что государство должно служить финансовым спекулянтам, а не какому-то там народу или не какой-то там стране.

Российским либералам надоело контролировать только социально-экономическую сферу, они накачали силу, накопили вес и теперь хотят ввергнуть нас в святыне для них и смертельные для всех остальных 90-е годы, когда они контролировали всё и когда благодаря этому контролю каждый год умирало «сверх нормы», то есть, по сути, истреблялось больше людей, чем расстреливалось на пике полуторалетнего Большого террора.

Для этого им нужен государственный переворот, для этого им нужно свалить нынешнюю государственность.

Соответственно, им нужно устроить нечто вроде Майдана, довести нас с вами до состояния, как на Украине, когда нам будет не жалко ни себя, ни своих детей, и мы пойдём на улицы и снесём всё.

Это смысл сегодняшней социально-экономической политики государства. Естественно, сознательным либералам помогает неосознанно огромное количество реально первобытных деятелей, которые в силу абсолютной сервильности стали начальством разных мастей и которые, увидев президентские рейтинги в марте прошлого года, решили, что пришло их время, и теперь они могут нормально строить первобытное или в лучшем случае раннее феодальное общество, о котором они мечтают просто потому, что ничего более сложного в их сервильные мозги, да ещё после тридцати лет социальной деградации, не помещается.

И они говорят о своих представлениях, говорят искренне, честно: государство никому ничего не должно, мы вас рожать не просили, деньги государства не принадлежат народу и так далее – без конца, пока их не остановит либо суд, либо восстание.

Однако они это делают не осмыслено – просто потому, что такова природа власти. Люди, которые 30 лет назад пришли захватывать страну, чтобы её разграбить, сейчас, после 30 лет национального предательства, – уже в третьем или четвёртом, а то и в пятом поколении управленцев – очень сильно деградировали.

Совместное действие описанных трёх факторов ставит Россию в положение, когда движущим противоречием политической системы, которое обеспечивает изменение общества – его развитие или деградацию – является противоречие не между национальным бизнесом и трудящимися, которое мы когда-то учили в школе, а между глобальными финансовыми, то есть спекулятивными монополиями и национальными хозяйственными организациями, взятыми в их единстве.

В этих национальных организациях есть огромный слой агентов глобальных спекулянтов, – тех, кто с гордостью зовёт себя либералами, как их предшественники в индустриальную эпоху с гордостью звали себя фашистами. И для того, чтобы сформировать новую политическую систему, чтобы обеспечить новое, благотворное для общества динамическое равновесие, нам нужно дополнить силы, которые представляют глобальных спекулянтов, силой, которая представляет страну.

Необходимый для этого синтез ценностей – социальных, патриотических и демократических – наше общество выработало ещё в начале нулевых годов. И приход Президента Путина был выражением этого синтеза. Но после этого выяснилось, что если этот синтез будет оформлен политически, то государству придётся служить обществу, а не владеть им. Феодалные инстинкты возобладали, и государство сделало и делает всё, чтобы этот синтез не возник.

У нас будет будущее только в том случае, если мы сможем этот проведённый обществом синтез выразить политическим языком, отлить его в ясную и чёткую идеологию и столь же ясные и чёткие практические действия. К счастью, в России не успела сложиться двухпартийная система, которая, выродившись, сейчас агонизирует и умирает во всём мире. И у нас есть возможность создать новую демократию, – естественно, в процессе борьбы, может быть, даже в условиях Майдана. И выражение ценностного синтеза, давным-давно проведённого нашим обществом, – главная задача сегодняшнего момента.

Безусловно, негативная консолидация всегда сильнее позитивной. Особенно сейчас, когда бесконечно обманутые государством люди не верят в светлое будущее. И центр негативной консолидации очень понятен и прост – приватизация. Особенно сейчас, когда в жизнь входит поколение, которое «опоздало к раздаче» и не получило при разграблении советской цивилизации ни ваучера, ни квартиры. Они хотят жить нормально, а на них не хватило, и им объясняют, что нормально вы жить не будете никогда, потому что «у директора коммерческого ларька тоже есть дети». Напомню, это советская шутка, – только тогда это было шуткой, и в ней говорилось о маршалах, а ны-

нешняя молодёжь действительно лишается возможности быть даже заместителем директора коммерческого ларька.

И эта консолидация на приватизации, которая была абсолютным преступлением, и требование её пересмотра в, естественно, цивилизованной форме компенсационного налога, который был в Великобритании, позволит сочетать негативную повестку дня с позитивной.

И приватизаторы должны стать тем центром негативной консолидации, которой были агенты КГБ во всём постсоветском пространстве. Безусловно, будут свои перебежчики из приватизаторов, которые захотят служить новой системе, – как агенты КГБ служили демократии: и Валенса, и Ельцин, и Ландсбергис, и Грибаускайте, и многие другие предатели, в том числе и из нынешней «рукопожатной» либеральной интеллигенции. Но чтобы такие перебежчики появились, проведённый российским обществом синтез социальных, патриотических и демократических ценностей должен быть выражен политически.

Выражен нами.

Это выражение – самое перспективное занятие, которое обеспечит тем, кто его сможет осуществить, превращение во вторую, а вскоре и в первую политическую силу. А нашей цивилизации, основанной на справедливости, это обеспечит выживание и прогресс. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Спасибо.

Уважаемые коллеги, я сейчас предоставлю слово для двухминутной реплики кандидату философских наук Сергею Абовичу Шаракшанэ. Попрошу именно, как вы просили, буквально две минуты для реплики. Пожалуйста.

Шаракшанэ С. А. Здравствуйте!

Я хотел бы за две минуты сказать о наследии марксизма, не пугайтесь, пожалуйста.

Обычно считается, что реализация социализма в нашей стране, это и есть реализация марксизма.

Я думаю, что это большая ошибка. Я был знаком с серьёзными марксистами, специалистами по марксизму, они указывают на самые простейшие ошибки, что, например, эксплуатация трудящихся при капитализме заменена

на эксплуатацию трудящихся со стороны государства при социализме. Носитель пролетарского мышления почему-то обязательно должен быть пролетарского происхождения, хотя уже в работе Ленина «Что делать?» было объяснено, что как раз пролетарий может быть носи-

телем мелкобуржуазного мышления, а именно, например, граф может быть носителем пролетарского мышления.

То есть, было реализовано огромное количество упрощений. И это сложно назвать марксизмом, в некотором роде соотношение между марксизмом и тем, что реализовывалось при социализме, можно так соотнести: вот картина Шишкина «Утро в сосновом бору», а вот и картинка на конфетке с тем же сюжетом.

Что же мы имеем сегодня?

Да, я хотел сказать, что, разумеется, ничего другого быть не могло в 1928 году, когда Сталин пришёл к власти – две трети населения не умели читать и писать, и не видели никогда электрической лампочки. Вообще-то говоря, была абсолютно дикая страна.

И что мы имеем сегодня? Мы имеем то, что у нас за плечами нет 300-летия рода Романовых, мы имеем за плечами три поколения великолепного среднего и высшего образования в стране.

Председательствующий. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Выступить приглашается доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Карен Хачикович Момджян. Пожалуйста.

Момджян К. Х. Цивилизационные ориентиры современной России.

Уже не первый век российские обществоведы ведут горячую полемику о социокультурной специфике своей страны, её месте в мировой истории и цивилизационных перспективах развития. Впрочем, в последние десятилетия XX века острота этой полемики пошла на спад, многим её участникам (включая и автора этих строк) показалась, что сам ход истории даёт нам однозначные ответы на вопросы, мучавшие наших предшественников.

С одной стороны, кризис и последующий распад Советского Союза поставил под сомнение социалистическую (коммунистическую) перспективу развития – понимая под социализмом не способ распределения жизненных благ, практикуемый в некоторых европейских странах, а способ их производства, основанный на общественной собственности на средства труда, которая отлична от всех (в том числе непарцеллярных) форм частной собственности, и отменяет порождаемое ею социальное неравенство и эксплуатацию человека. Выяснилось, что современный уровень развития производства делает невозможным обобществление его средств, в то время как их огосударствление, осуществлённое в СССР, создаёт не социалистический, а политарный тип общественного устройства или «азиатский способ производства» (Карл Маркс), возродившийся в XX веке в Европе на индустриальной, а не сельскохозяйственной основе.

С другой стороны, реалии послевоенной истории убедили многих российских обществоведов в безальтернативности буржуазного строя,

основанного на частной собственности, товарном производстве и рыночном обмене. История опровергла прогноз Карла Маркса о ближайшей гибели капитализма, основанный на убеждении в том, что революционная некогда буржуазия утратила свою позитивную историческую роль и превратилась в класс-паразит в умирающем обществе, где «тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится». На самом деле «экономика рантье», убедившая Маркса в закате капитализма, оказалась лишь краткосрочной исторической тенденцией. Изменившийся характер управленческого труда, связанный с ростом творческой, инновационной компоненты в нём, переломил эту тенденцию и привёл к замене капиталистов-рантье бизнесменами, понимающими, что личное участие в производственном процессе, способность инициировать технологический прогресс и брать на себя его риски, являются непременным условием предпринимательского успеха.

Исторический прогноз Маркса оказался неточным не только в отношении буржуазии, но и в отношении её антагониста, на которого возлагалась задача революционного переустройства общества. Конечно, класс наёмных работников, продающих свою рабочую силу собственникам средств производства, никуда не исчез из современной истории. Однако его качественный состав изменился самым существенным образом, что связано с двумя фундаментальными причинами. Первой из них является автоматизация (роботизация) материального производства, приведшая к существенному сокращению промышленных рабочих. Второй причиной является дисперсия производственно-экономических отношений, вырвавшихся за пределы материального производства (где они первоначально возникли) и утвердившихся в социальной, организационной и духовной сферах общественной жизни, отвечающих за создание «непосредственной человеческой жизни», «форм общения людей», а также опредмеченной информации, где экономическая диспозиция «капиталист – наёмный работник» ранее отсутствовала.

В настоящий момент наёмные работники в сфере образования, науки, медицины, искусства и пр. продают свою рабочую силу собственникам средств производств и вполне соответствуют экономическим признакам «рабочего класса». Их интересы нередко противоречат интересам работодателей (о чём свидетельствуют забастовки преподавателей, профессиональных спортсменов и даже голливудских сценаристов).

Ясно, однако, что образ жизни подобных работников (характер их труда, уровень их доходов, тип ментальности и пр.) существенно отличается от образа жизни Марксова пролетариата. История разорвала связь между наёмным трудом и неизбежной бедностью, в существовании которой был уверен Маркс, предсказывавший абсолютное обнищание рабочего класса, толкающее его на социалистическое

переустройство общества. В результате вместо антагонистического противодействия классов, в неотвратимости которого был убеждён К. Маркс, утвердилось их конфликтное взаимодействие, основанное на взаимоположенности партнёров, конфликты между которыми не исключают необходимости сотрудничества в силу невозможности обойтись друг без друга.

Таким образом, рассуждения о цивилизационных перспективах современной России не могут не учитывать тот факт, что капиталистический способ производства сохраняет свою экономическую эффективность и в обозримой исторической перспективе и не имеет сколь-нибудь приемлемых альтернатив, способных обеспечить многообразные потребности людей, создать экономическое благосостояние, высокий уровень безопасности, развитую медицину, образование и пр. Другое дело, что за все эти блага приходится бороться, в том числе партиям социал-демократической направленности, призванным умерять эгоизм производителей, обеспечивать более или менее справедливое распределение произведённого.

Казалось бы, жизнеспособность капитализма делает бесспорным курс на «вестернизацию» российского общества, интеграцию России в западноевропейскую цивилизацию, где буржуазный способ производства достиг максимального развития. И тем не менее российское «движение на Запад» осложняется целым рядом обстоятельств, которые касаются как состояния современного западного социума, так и исторических особенностей России.

Прежде всего, этот процесс осложняется западной политикой глобализма, которая качественно отлична от объективных процессов глобализации и представляет собой стремление США и других западных стран использовать свою экономическую, военную, информационную мощь для утверждения статуса единственного центра силы в однополярном мире. Распад Советского Союза убедил западных лидеров в их геополитическом всемогуществе, способности диктовать свою волю всему остальному человечеству, навязывая ему свои ценностные приоритеты и связанные с ними модели общественного устройства.

Справедливости ради замечу, что далеко не во всех случаях диктат глобализма связан со своекорыстными экономическими и политическими целями. Некоторыми западными политиками движет благое намерение «улучшить мир», применив свой собственный опыт для трансформации стран и народов с иным историческим бэкграундом. В некоторых случаях такая модернизация на западный манер действительно приносит свои плоды, однако чаще всего она вызывает катастрофические последствия (примером которых может служить недавний опыт «демократизации» арабского мира, закончившийся беспрецедентным всплеском религиозного фанатизма).

К сожалению, политики-глобалисты далеко не всегда понимают, что благие цели, соответствующие базовым потребностям людей (экономическое благосостояние, безопасность, гражданские свободы и прочее) могут быть достигнуты лишь с помощью адекватных средств, учитывающих фундаментальные социокультурные различия между народами, которые исключают механическое копирование опыта, сработавшего в иных исторических условиях.

Конечно, современная глобализация способствует определённой унификации некогда противоположных образов жизни. Значительное большинство современных людей используют созданные на Западе информационные технологии, носят джинсы, пьют кока-колу, слушают западных исполнителей, смотрят голливудские фильмы и т. д. Однако степень такой унификации не следует преувеличивать, она касается, как правило, индивидуального самовоспроизводства людей в сфере быта и не затрагивает институциональных основ образа жизни и связанных с ними глубинных стереотипов мышления, чувствования и практического поведения.

Игнорируя эти глубинные различия, многие западные политики проводят высокомерную внешнюю политику, трактуя незападное человечество в качестве «недоразвитых» европейцев, которые не могут не мечтать о «естественном для любого и каждого человека» западном образе жизни (эта глобалистская установка парадоксальным образом сочетается с доктриной мультикультурализма во внутренней политике многих западных стран, о которой я скажу отдельно).

Ясно, что подобный глобалистский менталитет существенно затрудняет российский путь на Запад, связанный с усвоением передо-

вых технологий, оптимальных способов организации производства и обмена. Опыт 90-х годов XX века показывает, что курс на вестернизацию России получает одобрение на Западе лишь при условии отказа российского руководства от «избыточных политических амбиций», которые, по убеждению западных политиков, не подобают стране, потерпевшей поражение в холодной войне с западным миром. Пользуется поддержкой (весьма ограниченной) лишь то правительство, которое действует под диктовку западных стран и международных институтов.

Неудивительно, что подобный диктат встречает сопротивление со стороны российского социума. Прежде всего, обращённое к России требование «знать своё место», смириться со статусом «региональной державы» противоречат исторически сложившемуся менталитету страны, которая всегда стремилась сохранить себя как сильное независимое государство. Важно подчеркнуть, что носителями такого менталитета являются не только власть предержащие, но и широкие массы российского населения, не приемлющие подчинённость российского государства внешним силам и рассматривающие такую подчинённость как национальное унижение. Не удивительно, что акции российского государства, идущие вразрез с требованиями западного истеблишмента (прежде всего присоединение Крыма) получают мощную поддержку населения, имеющую видимое электоральное измерение.

Дело, однако, не только в национальных амбициях. Беда в том, что российское население смогло на собственном опыте убедиться в неэффективности многих западных рецептов, их нередкой контрпродуктивности. Достаточно вспомнить кризисные процессы в постсоветском обществе 90-х годов, вызванные не только тяжёлым наследием «реального социализма», но и обвальная либерализацией страны, игнорировавшей тот факт, что реальная свобода – в отличие от джинсов или кока-колы – является продуктом длительной исторической эволюции, доступным лишь тем странам, население которых не страдает от депривации жизнеобеспечивающих нужд. Стремление ввести свободу декретом, навязать исторически сложившиеся стандарты западной либеральной культуры политарной стране, не знавшей гражданского самоуправления и находящейся в состоянии тяжёлого экономического кризиса, закончились ростом нищеты, социального неравенства, коллапсом государственного управления, криминализацией общественной жизни и другими последствиями, которых не ожидали авторы перестройки и поощрявший их западный истеблишмент.

Помимо глобализма, затрудняющего наш путь на Запад, другим препятствием на этом пути являются кризисные процессы, переживаемые самой западной цивилизацией. Особенность этого кризиса состоит в том, что он затрагивает не столько экономику, сколько

глубинные основы мироощущения и миропонимания, сложившиеся за несколько веков предыдущей истории. Более того, парадоксальность ситуации состоит в том, что к духовному кризису современной Европы привели не экономические коллапсы, а напротив, колоссальный рост благосостояния, случившийся в послевоенные десятилетия. В ситуации гарантированного выживания, когда экономическое благополучие и безопасность стали рассматриваться как естественное состояние человека, мотивационные приоритеты многих людей сместились с дефицитных жизнеобеспечивающих потребностей на бытийные потребности, связанные с поддержанием качества жизни, а не её факта.

Как пишет Р. Инглхарт, «исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, какую узнало послевоенное поколение в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материалистических» ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)». «В значительной части мира, – продолжает автор, – нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место всё более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения».

Конечно, в менталитете, акцентирующем свободу личного выбора, нет ничего априори плохого, если учесть, что его альтернативой является социоцентристская идеология, исходящая из убеждения в том, что человек существует для общества, а не общество для человека. Крайней формой такого социоцентризма является позиция жёсткого «методологического коллективизма» (терминология К. Поппера), которая отказывает отдельному человеку в субъектности, считая, что интересы, ценности, цели, носителем которых он является, не принадлежат ему, поскольку всецело программируются средой существования. Эта доктрина рассматривает человеческие индивиды в качестве «клеточной основы» интегративного коллективного субъекта, в роли которого выступает общество и созданные им социальные институты. Рассуждая о месте человека в обществе, сторонники такой идеологии исходят из того, что клетки существуют только в целом и ради целого, возникновение у них собственных, не санкционированных организмом поведенческих программ, означает раковое перерождение, требующее немедленного устранения. Отсюда следует, что отдельно взятый человек безраздельно принадлежит обществу и не имеет никаких индивидуальных прав, включая право на собственную жизнь, которое также принадлежит коллективу (следствием такой установки являются известные из отечественной истории законы, согласно которым попадание в плен рассматривалось как воинское преступление).

Излишне говорить, насколько опасной является такая социоцентристская идеология, субстанциализирующая общество в целях тоталитарного подавления любых и всяких индивидуальных свобод. Отторжение подобного социоцентризма современным западным либерализмом можно было бы считать совершенно оправданным, если бы последний не впадал в другую крайность – субстанциализацию индивида и отрицание реальной значимости надындивидуальных реалий общественной жизни.

Дело в том, что альтернатива «методологического коллективизма», которую К. Поппер именует «методологическим индивидуализмом», бывает двух разных видов. Умеренный «индивидуализм» полагает, что субъектными свойствами обладают только отдельные люди и отрицает субъектность общества, наличие у него собственных потребностей, интересов и целей, которые отсутствуют у образующих общество людей. При этом сторонники данного направления не отрицают существование общества как онтологической реальности, обладающей интегральными свойствами, которые не сводятся к свойствам составляющих общество индивидов.

Иными словами, общество рассматривается не как субъект, а как социальный институт, в основе которого лежат организационные связи между действующими индивидами, порождающие устойчивые матрицы социального взаимодействия и связанные с ними статусно-ролевые характеристики, предписанные субъектам социальной интеракции независимо от их воли.

Это значит, что сторонники умеренного «методологического коллективизма» признают существование не только индивидуальных,

но и общественных интересов, под которыми понимаются не интересы общества, а схожие интересы индивидов, образующих общество, которые (интересы) становятся общими, когда вызывают совместную скоординированную деятельность людей. Признаётся тот факт, что реализация общих (общественных) интересов является условием успешного осуществления индивидуальных интересов человека и ограничивает всевластие последних.

Существует, однако, и радикальная разновидность «методологического индивидуализма», которая не ограничивается отрицанием субъектных свойств общества, а отрицает сам факт существования последнего в качестве онтологической реальности. Сторонники такого социально-философского номинализма исходят из убеждения, что общество – это лишь термин, обозначающий некоторое множество действующих и взаимодействующих индивидов. Общество трактуется как «множественное число от слова человек», ровно так же как армия трактуется как «множественное число от слова солдат». Согласно такой номиналистической презумпции никаких общественных интересов, отличных от индивидуальных интересов людей и не сводимых к последним, нет и не может быть.

Я полагаю, что именно такая номиналистическая трактовка общества вдохновляет (осознанно или неосознанно) современный ультралиберальный менталитет, претендующий на господство во многих западных странах. Речь идёт об идеологии гипериндивидуализма, фанатически верящей в абсолютный приоритет частного над общим, в неограниченную свободу индивидуального самовыражения, вплоть до права человека не пользоваться дезодорантом несмотря на протест, заявляемый коллегам по работе. Единственным ограничением индивидуальной свободы являются нормы права, воспрепятствующие криминальную активность, причиняющую прямой ущерб другим людям.

Впрочем, современный ультралиберализм, как выясняется, имеет весьма неопределённые критерии криминальности, которые ставятся в прямую зависимость от социального статуса субъектов преступной активности. Я имею в виду нередкие примеры того, как государственные органы, призванные осуществлять равенство людей перед законом, замалчивают преступления, совершённые людьми, которых ультралиберальная политкорректность относит к числу дискриминируемых меньшинств (очевидным проявлением этой тенденции стало весьма своеобразное отношение германской полиции к насильственным преступлениям против личности, совершённым прибывшими в страну мигрантами).

В этом плане одним из логических следствий идеологии ультралиберализма стала т. н. «тирания меньшинств», интересы которых ставят выше интересов большинства населения. Речь идёт об адми-

нистративных и прочих преимуществах, которые ультралиберальное государство и созданные им социальные институты предоставляют представителям расовых, национальных, гендерных, сексуальных и прочих групп, ранее поражённых в своих правах.

Нельзя отрицать, что в основе «исправляющей дискриминации», осуществляемой в США и других западных странах, лежит благая цель защиты некогда угнетённых или до сих пор угнетаемых людей. Однако это достойное намерение дискредитируется двумя обстоятельствами. Одним из них является гипертрофия интересов меньшинства, выходящая за рамки всякой разумной достаточности. Трудно понять, почему защита прав гомосексуалистов, являющихся, несомненно, полноценными гражданами современного общества, должна предполагать право на проведение голых маршей, нарушающих всякие (а не только «гомофобские») представления о приличиях. Трудно понять, почему защита права женщин должна предполагать административное преследование за любую попытку невинного флирта и даже за восхищённый взгляд, брошенный на женщину. Столь же чрезмерные формы принимает государственная защита детей, «угнетаемых» родителями, которые ограничивают право ребёнка объедаться шоколадом и т. п.

Другим пороком программ «исправляющей дискриминации» является их антидемократический характер, санкционирующий фактический террор в отношении инакомыслящих представителей большинства, лишаемых не только прав, но и возможности высказываться в пользу их соблюдения. В частности, известны многие случаи фактической расправы над учёными, которые осмеливаются заявить своё мнение, идущее вразрез с убеждениями адептов современной политкорректности (примером может служить истерическая реакция на социологические труды, посвящённые анализу однополых семей, в которых, по мнению ряда учёных, дети сталкиваются с существенно большими психологическими проблемами, чем дети, рождённые в разнополых семьях).

Как известно, убеждённый противник философского идеализма Фридрих Энгельс утверждал, что Идея всегда посрамляла себя, когда отрывалась от практического Интереса. Я полагаю, что доктрина «гипериндивидуализма», претендующая на господство в современном западном менталитете, представляет собой редкий случай временной победы отвлечённых идеологических постулатов над реальными интересами людей – включая в их число и последователей этой идеологии, не осознающих её разрушительные последствия.

Ошибка этой доктрины является её избыточный исторический оптимизм – убеждение в том, что проблемы экономического дефицита, негарантированной безопасности и выживания остались в историческом прошлом, и сознание человека, свободное от дикта-

та необходимости, может сконцентрироваться не на модусе сущего, а на произвольном конструировании представлений о должном. Я убеждён в том, что любое ухудшение исторической конъюнктуры властно напомнит людям об объективных границах индивидуальной свободы. Эта идеология разрушится как карточный домик, однако успеет существенно навредить задачам коллективной адаптации человечества, вступающего в новую эпоху негарантированных исходов.

Как бы то ни было, идеология гипериндивидуализма, о которой шла речь, является одним из обстоятельств, существенно осложняющих цивилизационный диалог между Россией и Западом. Российская ментальность, как известно, делает акцент на ценностях коллективизма, поощряя формы поведения, связанные с заботой о других, и осуждая гипертрофированный индивидуализм. Впрочем, это утверждение нуждается в некоторых оговорках.

Бесспорно, что россияне способны демонстрировать не типичный для европейцев способ солидаристского взаимодействия, доходящего до отношений альтруизма, готовности делиться «последней рубашкой», «умирать, но товарища выручать» и другое. Беда лишь в том, что чаще всего мы имеем коллективизм «узкого действия», который распространяется по преимуществу на микроколлективы, основанные на личных связях.

Такой коллективизм, к сожалению, вполне сочетается с недопустимо низкой профессиональной, гражданской и другими формами солидарности, которые актуализируются, как правило, лишь в годы национальных потрясений. Поэтому я убеждён, что присущая россиянам эмоциональная открытость и отзывчивость к близким должна быть дополнена рассудочной солидарностью, основанной не на эмпатии, а на целерациональной презумпции – помогая другому, я помогаю себе. Работая в этом направлении, мы должны развивать в России культуру национального и гражданского компромисса: способность договариваться с соотечественниками, а не противостоять им по схеме «умру, но не поступлюсь принципами».

В этой связи я считаю важнейшим условием российского развития культивирование цивилизованного патриотизма. В отличие от многих ультралибералов, считающих патриотизм явлением социальной патологии, «убежищем негодяев» и пр., я рассматриваю его как естественное проявление базовой потребности в принадлежности, которая вынуждает человека искать комфортную среду общения, маркируемую местоимением «мы». Нет ничего плохого в том, что многие люди не ограничивают это «мы» семьёй, компанией друзей или политических единомышленников и распространяют её на свой народ, воспринимая его успехи и неудачи как события личной жизни. Важно лишь, чтобы идея патриотизма основывалась на любви к собственно-

му народу, а не на ненависти к иностранцам и включала бы в себя способность трезвой оценки проблем, с которыми сталкивается любимая Родина.

Так понятый патриотизм является ещё одним отличием России от ультралиберального Запада, отвергающего этот принцип – достаточно вспомнить доклад члена Госсовета Франции Тьерри Тюо, заказанный экс-президентом Франсуа Олландом, в котором заявлялось, что величие Франции состоит в жертвенной самоликвидации страны, её растворении в тигле мультикультурализма. Впрочем, нужно сказать, что в последнее время европейские политики начали понимать всю губительность этой идеи, о чём свидетельствует, в частности, недавний призыв Эммануэля Макрона восстановить доктрину патриотизма, пусть и в паллиативной «инклюзивной» форме.

Подводя итог сказанному, я полагаю, что страна должна идти в направлении западноевропейского типа социальности, главным преимуществом которого является устойчивая и в то же время динамичная система общественного производства, способная к существенной самокоррекции в условиях возникающих кризисов.

Прежде всего речь идёт о модернизации материального производства, в важнейшей роли которого сомневаются некоторые сторонники национальной самобытности России. Нужно понимать, что роль эта не самоцельна, она служебна и состоит в том, что материальное производство создаёт не только продукты первой необходимости, но и предметные средства для любого из видов деятельности. Поэтому при отсутствии развитого материального производства у нас не будет

не только хорошей еды и одежды, но и современных больниц, университетов, концертных залов и кинотеатров. Наконец, у нас не будет современного вооружения, без которого существование страны в нашем не бесконфликтном мире попросту невозможно.

Но следует ли из сказанного, что рецепция технологических и организационных структур западного типа означает автоматическое воспроизводство того типа ментальности, которая сложилась в исторически определённых условиях западноевропейской цивилизации? Думаю, что опыт современного Китая позволяет отрицательно ответить на этот вопрос. Другое дело, что сохранение национальной культуры не происходит автоматически, оно требует тщательной и продуманной работы, которая начинается с обсуждения давно известных вопросов – от какого наследства мы отказываемся и какое наследство хотим сохранить?

Председательствующий. Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Я предоставляю слово депутату Государственной Думы, председателю Всероссийской политической партии «Родина» Алексею Александровичу Журавлёву. Пожалуйста. *(Аплодисменты.)*

Журавлёв А. А. Добрый день ещё раз!

Я, конечно, с удовольствием послушал всё, что говорили здесь, очень интересно. Но есть несколько замечаний.

Вот, например, замечание к моему коллеге Диме Гусеву. Я, конечно, всё прекрасно понимаю. Мы, депутаты, можем считать яйца, но это без всякого сомнения вряд ли приведёт к тому, что вдруг политическая система возьмёт и сразу перестроится. А желание, чтобы мы только и занимались тем, что считали, сколько там яиц в упаковке, вряд ли приведёт к нужному результату. Мы знаем, у кого что есть,

и они все говорят: надо начинать с себя, вот с себя начните. Вот мы уже добились своего, а вы начните с себя.

Так мы не за это, мы совсем за другое, мы за то, что мы можем начинать с себя, но дело в том, что если мы сейчас не начнём вот это вот, о чём мы с вами здесь говорим, то начнёт кто-то другой, и начнёт обязательно. И тогда уже не к кому будет обращаться, вы там посчитайте, сколько – девять яиц или десять, – а придётся по-другому уже разговаривать с теми, кто начнёт. Вот в чём проблема.

Поэтому я благодарен Сергею Миронову, который реально смотрит на вещи, и совсем по-другому. Можно взять свою партию, да, у нас всё отлично. А что у них плохого-то? Парламентская партия. Поднапрячься, через два с половиной – три года опять пройдем. И также все могут рассчитывать, и все так и думают, кстати говоря, кто в Государственной Думе находится, но только Миронов решил вынести всё, о чём думает наш народ, только вот решил вынести проблемы сюда, и это правильно абсолютно. (*Аплодисменты.*) Чего молчать-то об этом.

Либо мы говорим об этом, и действительно пытаемся что-то сделать, либо тогда не говорим. Давайте сидеть консервативно и ждать, когда вдруг что-то случится и «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» наберёт большинство и тогда изменит политическую ситуацию. Можно и так. Но мы же все прекрасно понимаем, что это утопия в чистом виде. Возьмём, к примеру, наше законодательство. Законодательством нужно чётко определить: мы развиваем политическую систему или нет.

Никто же не против. Давайте сделаем действительно так, возьмём две партии и будем их развивать, как в Америке, как ещё где-то. Под это сделаем всё законодательство, но это будут понятные правила игры. И мы, как партия «Родина», понимая, что в Америке, кстати, тоже не две партии, начнём как-то взаимодействовать с теми партиями, которые действительно готовы к совместной работе.

Даже Элла Памфилова говорит о том, что нам обязателен федеральный избирательный кодекс. Конечно, обязателен, потому что в каждом субъекте он свой, этот кодекс. И кто хочет, так им и манипулирует.

Но это же абсурд, на самом деле: партии, которые могут выдвигать кандидатов в президенты, не могут выдвигать кандидатов в губернаторы. Мы можем проходить в Государственную Думу без сбора подписей, но в сельский совет мы должны собрать подписи.

На выборы мэра города мы можем идти без сбора подписей, но в законодательное собрание – ни в коем случае. Что за бред?

Конечно, это не лезет ни в какие рамки! Надо чётко понять, развиваем мы систему или не развиваем.

Что же касается нового проекта, я хочу сказать, что он, на мой взгляд, крайне необходим. И не надо говорить, что «популизм» – это слово исключительно ругательное, негативное. Популизм – это народничество, это защита народных интересов.

Поп-культура, поп-песня, – разве это ругательные слова у нас? Нет. Это популярные вещи, которые нравятся народу. Так и популизм – это то, что нравится народу. И что толку говорить о том, что вот вышли популисты сегодня, как во Франции? Где этот Макрон, где все эти ребята, которые, на самом деле, не популисты, но ответственные политики? Ну идите, ответьте на народные запросы.

Наш вопрос именно в этом. Кто-либо поймёт, что нужно народу, либо не поймёт, и тогда будет французский вариант. Но разве во Франции всегда так? Да не всегда так, далеко не всегда так.

У нас тоже разное в истории было. Поэтому мы за то, чтобы понять, осмыслить те процессы, которые сегодня происходят, и сделать что-то новое. Но не надо думать, что это слияние, поглощение или объединение партий. С этим ничего не получится, с этим ничего не выйдет. Это должен быть осмысленно новый проект. Только в этом случае он имеет шанс на успех.

Если же это будет просто какое-то формальное поглощение или «ребрендинг», тогда ничего не выйдет. Нужно, чтобы он был отражением народа, если хотите, такая зеркальная свобода. Мы должны подойти именно к этому термину, к зеркальной свободе.

Сегодня нам запрещают очень многое, начиная с того, что я, как депутат, не имею право встретиться с избирателями. Понимаете, я должен пойти сначала в исполнительную власть, согласовать заявку, что я встречаюсь с избирателями, и только потом встретиться.

И таких моментов сейчас много. Это вообще просто полный абсурд!

Именно в зеркальной свободе, – если получится сделать действительно народную партию, популистскую, – найдут отражение все эти принципы.

И я уверен в том, что то, что начал Сергей Михайлович, это мужественный поступок.

Сегодня это надо сделать! Надо чётко поставить эти задачи перед партийной системой – что всё устарело, нужно новое. И я убеждён

в том, что если «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» сможет взять на себя эту ответственность, не будет стоять в очереди с этими пятью-семью десятками партий или четырьмя парламентскими, то этот проект станет первым по политической эффективности в стране. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Председательствующий. Спасибо большое.

Дорогие друзья, мы завершаем наши экспертные слушания. Я ещё раз хочу поблагодарить всех, кто откликнулся на наше приглашение. Было высказано очень много идей. Думаю, что пищу для ума получили и действующие политики, и, как было сказано, партийно-политические кураторы.

Заглядывая в будущее, хочется увидеть такую картину как подведение итогов выборов в Государственную Думу осенью 2021 года. И очень может быть, что итоги эти окажутся сенсационными. И когда мы оглянемся назад, многие поймут, что отсчёт этой сенсации начался сегодня, 7 февраля, в этом зале. Спасибо.

(Аплодисменты.)

Трансформация партийно-политической
системы России:
ответ на современные вызовы

*Материалы экспертных слушаний
фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»*

Редактор В. В. Нарбут
Корректор Т. Д. Романосова
Компьютерная вёрстка Л. А. Дерр

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 02.07.2019
Формат 60x90/16. Печ. л. 5,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 809

Отпечатано с оригинал-макета: ИП Мочалов С. В.
162626, Вологодская область, г. Череповец, ул. Сергея Перца, 3